

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

«ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА»

международная научная конференция

посвященная

**90-летию со дня рождения Сергея Григорьевича Кляшторного
(1928-2014)**

и

200-летию со дня основания Азиатского музея

15-16 февраля 2018
г. Санкт-Петербург

ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts

International research conference
THE TURKO-MONGOL WORLD: HISTORY AND CULTURE

dedicated to
90th Birth anniversary of Sergei G. Klyashtorny
and
200th anniversary of the founding of the Asiatic Museum

February 15-16, 2018
St. Petersburg, Russia

PROGRAMME
ABSTRACTS

Оргкомитет конференции

Председатель Оргкомитета:

доктор исторических наук

Секретарь Оргкомитета:

Члены оргкомитета:

доктор исторических наук

доктор исторических наук

доктор филологических наук

кандидат исторических наук

кандидат филологических наук

кандидат филологических наук

кандидат филологических наук

магистр востоковедения и африканистики

И.Ф. Попова

А.А. Туранская

Т.Д. Скрынникова

А.А. Колесников

И.В. Кульганек

А.В. Витол

Н.С. Яхонтова

Д.А. Носов

Н.В. Ямпольская

М.А. Козинцев

РАСПИСАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Санкт-Петербург, Новомихайловский дворец (Дворцовая наб., д. 18)

15 февраля, четверг

11.00–12.30 – Открытие конференции. Утреннее заседание (Зеленый зал)

12.30–14.00 – Перерыв на обед

14.00–15.45 – Дневное заседание (Зеленый зал)

14.00–15.45 – Дневное заседание (Лotosовая сутра)

14.00–15.15 – Дневное заседание (Кабинет № 140)

16.15–17.30 – Продолжение дневного заседания (Зеленый зал)

15.45–17.30 – Продолжение дневного заседания (Кабинет № 140)

16.00–18.00 – Продолжение дневного заседания (Лotosовая сутра)

16 февраля, пятница

10.30–12.00 – Утреннее заседание (Зеленый зал)

10.30–12.00 – Утреннее заседание (Лotosовая сутра)

12.00–14.00 – Перерыв на обед

14:00 – 15:00 – Дневное заседание (Зеленый зал)

14:00 – 15:00 – Дневное заседание (Лotosовая сутра)

15:30 – Заключительное пленарное заседание (Зеленый зал)

Продолжительность доклада с обсуждением – 15 мин.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

15 февраля, четверг

10:00-11:00 – Регистрация участников конференции

11:00-12:30 – Открытие конференции. Утреннее заседание (Зеленый зал)

Приветствие в адрес конференции – директор ИВР РАН И.Ф. Попова

Председатель: *Скрынникова Т.Д.*

<i>Камалов А.К.</i>	Картографирование сведений китайских источников о расселении телеских (огузских) племен: противоречия и их разрешение
<i>Аширов Т.А.</i>	Несторианство в тюрко-монгольском мире
<i>Султанов Т.И.</i>	Брачный контракт доисламского периода и громкие разводы по шариату в Средней Азии
<i>Togan I.</i>	Partitioned Administration of the Steppe

12:30-14:00 – Обед

14:00-15:45 – Дневное заседание (Зеленый зал)

Председатель: *Оразбаева А.*

<i>Mehdiyeva A.</i>	Türkistan'da Ardivisura'nın onuruna inşa edilen yazıtlar ve Azerbaycan'da onların benzerleri (S.G. Klyashorniy'in eseri temelinde)
<i>Mehdiyeva N.</i>	S.G. Klyashorniy'in Doğu Türkistan'ın Rus bilim adamları ve gezginleri tarafından araştırılması tetkikleri
<i>Сулейменова Ж.Д.</i>	Роль трудов С.Г. Кляшторного в изучении древнетюркской модели мира и модели человека
<i>Сулейменова Ж.Д., Ташагыл А.</i>	Сергей Кляшторный : древнетюркский мир
<i>Оразбаева А.</i>	К проблеме казахской государственности в трудах С.Г. Кляшторного
<i>Козинцев М.А.</i>	Статьи С.Г. Кляшторного в «Советской исторической энциклопедии». Дополнение к библиографии трудов учёного
<i>Сараев А.С.</i>	С.Г. Кляшторный и Л.Н. Гумилев (по материалам музея-квартиры Л.Н. Гумилева и личным беседам с С.Г. Кляшторным)

15:45-16:15 – Кофе-брейк

16:15-18:00 – Продолжение утреннего заседания (Зеленый зал)

Председатель: *Ганиев Р.Т.*

<i>Ганиев Р.Т.</i>	Климат, тюрки и Китай в Центральной Азии (VI-VIII вв.)
<i>Савинов Д.Г.</i>	Древнетюркская фактория VIII–IX вв. на северо-западе Минусинской котловины
<i>Тимохин Д.М.</i>	Кочевые тюркские племена на Южном Кавказе в эпоху монгольского нашествия
<i>Vér M.</i>	Structures of Communication in East Turkestan under Mongol Rule (13th–14th cc.)
<i>Сапрынская Д.В., Соколовский И.В.</i>	Касимовское ханство и фигура Ураз-Мухаммеда
<i>Бурыкин А.А.</i>	Издания Ричарда Хаклюйта (1552–1616) как источник по истории и этнографии народов Азии

14:00-15:45 – Дневное заседание (Лotosовая сутра)

Председатель: *Аникеева Т.А.*

<i>Дувакин Е.Н.</i>	Словесные формулы народов степного пояса и сопредельных территорий: результаты массовой обработки данных
<i>Аникеева Т.А.</i>	Толкование снов в тюркской фольклорной традиции и «Китаб-и дедем Коркут»
<i>Курбанов Б.</i>	Калмыцкий «Джангар» и эпическое наследие тюркоязычных народов
<i>Сулаймонов М.Ю.</i>	Роль Хафиза Хорезми в развитии тюркской поэзии
<i>Церенов В.З.</i>	Хуннские сюжеты в эпосе «Джангар»
<i>Цеденова С.Н.</i>	К вопросу о художественном своеобразии рассказов Ц. Дамдинсурэна
<i>Yılmaz Killi G.</i>	Codex Cumanicus'taki Bilmecelerin Hakas Sözlü Geleneğindeki Eşmetinleri

15:45-16:15 – Кофе-брейк

16:15-18:00 – Продолжение утреннего заседания (Лotosовая сутра)

Председатель: *Телицин Н.Н.*

<i>Тишин В.В.</i>	К датировке древнетюркской рунической надписи Бегре (E 11)
<i>Телицин Н.Н., Рыкин П. О</i>	К интерпретации собственных имен в 9 строке надписи Тоньюкука (Тоñ S2)
<i>Добрович М.</i>	Историческая хронологизация древнетюркских надписей эпохи второго каганата

<i>Ölmez M.</i>	Küli Çor Yazıtı Üzerine Gözlemler ve Düzeltiler(2017 Ağustos Ayında Yapılan Alan Araştırmaları Çerçevesinde)
<i>Туранская А.А.</i>	Уйгурское ксилографическое издание Sitātapatrā-dhārāṇī из собрания ИВР РАН
<i>Лундышева О.В</i>	Глоссы брахми в уйгурском ксилографе Sitātapatrā-dhārāṇī
<i>Сизова А.А.</i>	Содержание монгольской гадательной книги XIII–XIV вв. из коллекции ИВР РАН

14:00-15:15– Дневное заседание (Кабинет 140)

Председатель: *Скрынникова Т.Д.*

<i>Скрынникова Т.Д.</i>	Значение двойных этнонимов в тюрко-монгольском мире
<i>Мокеев А.</i>	Дихотомия социальной структуры Улуса Чагатая– джете и караунас и некоторые вопросы этнической истории кыргызского народа
<i>Бимендиев А.Ш.</i>	Источниковедческий и идеологический аспекты геральдической символики кочевой элиты: постановка проблемы
<i>Юрченко А.Г.</i>	Последняя загадка «Codex Cumanicus»: изображение попугая
<i>Табалдиев К.Ш.</i>	Тюркские надписи и родовые тамги Кыргызстана

15:15-15:45 – Кофе-брейк

15:45-17:30 – Продолжение дневного заседания (Кабинет 140)

Председатель: *Лурье П.Б.*

<i>Лурье П.Б.</i>	Зороастрийские божества в Монголии и Южной Сибири: взгляд ираниста
<i>Хаджиева Т.М.</i>	Древнетюркские божества Тенгри (Тейри) и Умай в фольклоре карачаевцев и балкарцев
<i>Мурзакметов А.К.</i>	О кузнечном культе у кыргызов
<i>Иоаннесян Ю.А.</i>	Шейхизм – мистико-эзотерическое направление в шиизме
<i>Абдулла Абуталиб оглу Я.</i>	Своеобразие суфийских религиозных обрядов в Турции и Азербайджане

16 февраля, пятница

10:30:12:00 – Утреннее заседание (Зеленый зал)

Председатель: *Аманжолова Д.А.*

<i>Аманжолова Д.А.</i>	Некоторые проблемы взаимодействия этнических элит
------------------------	---

	Степного края и Туркестана в годы революции и гражданской войны
<i>Красовицкая Т.Ю.</i>	Тюркские элиты России: векторы междивизиационного и межкультурного взаимодействия (начало XX в.)
<i>Ряжев А.С.</i>	Ханская титулатура у ойратских и тюркских народов в русско-цинских отношениях XVIII в.
<i>Тукешева Н.М.</i>	Парадигма власти в тюркском обществе (VI-XI вв.)
<i>Селюнина Д.Д.</i>	Семантика термина <i>tögö</i> в монгольских исторических сочинениях XVII в.

12:00 –14:00 – Обед

14:00-15:00 – Дневное заседание (Зеленый зал)

Председатель: *Колесников А.А.*

<i>Колесников А.А.</i>	Вклад русских военных в изучение Кашгарии (вторая половина XIX-начало XX вв.)
<i>Запорожец В.М.</i>	Сельджукская проблематика в современной западной историографии
<i>Почекаев Р.Ю.</i>	Особенности правовых отношений в Монголии XVIII в. глазами российских дипломатов и путешественников
<i>Дробышев Ю.И.</i>	Развитие представлений Тэмучжина – Чингис-хана о власти (по источникам XIII-XIV вв.)

10:30:12:00 – Утреннее заседание (Лotosовая сутра)

Председатель: *Юсупова Т.И.*

<i>Юсупова Т.И.</i>	Монгольская и Турецкая комиссии АН СССР: общее и частное в задачах и деятельности
<i>Елихина Ю.И.</i>	Некоторые находки тюркского времени экспедиции Г.И. Боровки, привезенные из Монголии в 1925 г.
<i>Ихсанов А.Р.,</i>	Новые сведения о поездке А. Н. Самойловича в Туркестан в 1921 г. (по материалам семейного архива)
<i>Шевельчинская С.Л.</i>	
<i>Носов Д.А.</i>	Значение учебных командировок студентов ЛИЖВЯ для исследования фольклора монголов в 1920-е гг.
<i>Абусеитова М.Х.</i>	Новые архивные материалы по общности истории и культуры Центральной Азии
<i>Аязбекова С.Ш.</i>	Цивилизационные основы тюрко-монгольского симбиоза

12:00 –14:00 – Обед

14:00-15:00 – Дневное заседание (Лotosовая сутра)

Председатель: *Яхонтова Н.С.*

<i>Абдиев Т.К.</i>	Фонетические и семантические сдвиги в русизмах в киргизском языке
<i>Абдимиталип уулу Н.</i>	Антропонимика караханидов как историко-этнографический источник (по материалам «Диван Лугат-ит Тюрк»)
<i>Бадагаров Ж.Б., Васильева Д. Н.-Д</i>	Экспедиционное изучение бурятских диалектов и актуальные задачи сохранения культурного наследия бурят-монголов
<i>Яхонтова Н.С.</i>	Санскритские слова в тибетско-монгольских словарях

15:30 - Закрытие конференции (подведение итогов, принятие резолюции)

16:00 – Экскурсии в Государственный Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), фонд ИВР РАН.

Тезисы Abstracts

Абдиев Т.К.

Фонетические и семантические сдвиги в русизмах в киргизском языке

Роль русского языка в развитии киргизского литературного языка огромна. В известном «Киргизско-русском словаре» К.К. Юдахина (1965) русизмы составляют 10,5% всего лексического состава. Под термином русизм подразумевается также лексика из европейских языков, поскольку они заимствованы через русский язык в соответствии с его нормами.

Доклад посвящен русизмам, вошедшим в киргизский язык до Октябрьской революции. Заимствованные устно, они подвергались фонетическим и семантическим изменениям. В некоторых случаях слова получили совершенно иные семантические значения. Например, слово «арген» – фонетически измененная форма орган (музыкальный инструмент, от др.греч. ὄργανον «инструмент, орудие»), как отмечает К.К. Юдахин, означает шарманку, поскольку именно этим словом русские в Средней Азии называли шарманку. В современном же киргизском языке это слово стало использоваться для обозначения «приятный женский голос».

Следует отметить, что в русизмах, которые были заимствованы в советское время, такие фонетические и семантические сдвиги не наблюдаются. По всей вероятности, этому помешала новая норма киргизской орфографии и орфоэпии, согласно которой русизмы должны были употребляться без изменений.

Абдимиталип Н.

Антропонимика караханидов как историко-этнографический источник (по материалам «Диван Лугат-ит Тюрк»)

Доклад посвящен сопоставительному анализу антропонимии караханидов и современных кыргызов. Личные имена караханидов зафиксированы в письменных источниках, на монетах, в эпиграфических памятниках и т.д. Однако многие из этих имен являются либо династическими титулами тюркского происхождения *Богра*, *Арслан*, *Тафгач*, либо титулами с арабскими элементами *-дин*, *-давла*, *-амир* и др. Имена правителей и знати не передает в полной мере культурной специфики тюрков. Более полные сведения об антропонимике караханидского общества позволяет получить сочинение Махмуда Кашгари «Диван Лугат-ит Тюрк», в котором наряду с именами тюркских правителей, приведены антропонимика многих простолюдинов, аналоги которых можно найти в системе личных имен современных кыргызов.

Следует отметить, что несмотря на то, что автор «Диван Лугат-ит Тюрка» не ставил перед собой цель объяснить происхождения имен, он отчетливо комментирует имена-меморативы, дезиративы и дескриптивы. Классифицировав имена собственные, зафиксированные в словаре, представляется возможным осуществить сравнительный анализ имен караханидского населения с антропонимами современных кыргызов, что, в

свою очередь, позволяет проследить культурную преемственность между обществом караханидского каганата и кыргызского народа.

Абдулла З.

Мультикультурные ценности тюркского мира в отражении искусства XX в. Азербайджана

Мультикультурализм как показатель образа жизни азербайджанцев имеет гораздо более глубокую историю, чем республика Азербайджан. Несколько веков на территории этой страны вместе с коренным населением, то есть азербайджанскими тюрками, жили и сохраняли свою культуру множество национальных меньшинств и этнических групп. В данный момент на территории государства проживают представители таких национальностей как татары, ингилои, удины, авары, курды, молуканы, цыгане, евреи, русские, немцы и другие. Культура и традиции этих национальных меньшинств продолжают свое существование, передаваясь из поколения в поколение. Народные культурные традиции и обычаи этих народов изредка соприкасаются с традициями азербайджанцев, но не сливаются и сохраняют свою самобытность.

Мультикультурные ценности в жизни азербайджанского народа имеет проявление в творчестве разных поэтов, писателей, а в XX в. начало проявляться в творчестве художников, композиторов и в разных областях искусства, в целом образуя мультикультурный облик страны. В произведениях писателей, композиторов и художников можно проследить проявление фольклорных, литературных и музыкальных тем разных народов. Проявление таких тем в искусстве приводит к взаимной терпимости, уважению и симпатии между людьми, имеющими разные культурные ценности и вероисповедания. Таким образом, создается условия для долгого и совместного проживания разных национальностей без конфликтов, в мире и любви.

Абдулла Я.

Своеобразие суфийских религиозных обрядов в Турции и Азербайджане

Суфийские религиозные обряды вошли в историю исламской культуры со всеми свойствами мистического самоуглубления, то есть на пути постижения истины суфи переходит от одного мистического состояния в другое, тем самым познавая вселенную посредством любви к Богу. Это достигается при помощи ритуальных действий, состоящих из различных стадий и ступеней *сема*. Постигание ступеней *сема* в суфийских религиозных обрядах Турции осуществлялось разными телодвижениями, имеющими ритуальное значение. Согласно традиции, эти движения являются отражением небесной сферы, ее предопределённости. Доходя до состояния любви, суфи находится в поисках, что передается телодвижением или бесконечным повторением молитвенных формул.

В суфийских религиозных обрядах музыка является важной частью ритуалов, которые проводятся в сопровождении определённых музыкальных инструментов: тар, нагара, халилие и най. В суфийских религиозных братствах в ритуалах *зикр* нашла яркое выражение практика многократного повторения имён Аллаха для достижения

мистического просветления. Музыка и движения в *зикрах* также имеют символические значения.

Братства суфийского направления, где *зикр* составляет важную часть религиозного обряда, распространены в северной части Азербайджана, в области Газах. В этом регионе ортодоксальные идеи суфийского толка начали проявляться с начала XIX в. (под названием секты Накшибенди), широко распространяясь за пределами Газахского района, вплоть до Шамахов (200 км от Баку). На сегодняшний день обряд *зикр* сохранил свои функции в селениях Газаха в деревне Асланбейли. В связи с полученными видео материалами можно проследить суфийский танец в составе мужского коллектива. Наряду с этим в селении Сюнди Гобустанского района на границе с Шамахой тоже проводится ритуал *зикр* в женском коллективе. В обоих случаях музыкальное сопровождение отсутствует, имеет место лишь ударно-ритмическое сопровождение, которое становится ритмической основой для кругового танца, сопровождаемого многократным повторением имен Аллаха и воспеванием пророка.

Абусейтова М.Х.

Новые архивные материалы по общности истории и культуры Центральной Азии

Видный российский тюрколог, историк, источниковед, ведущий специалист в области этнокультурной истории Центральной Азии и древнетюркской письменности С.Г. Кляшторный посвятил ряд своих трудов истории общности народов и неоднократно отмечал фрагментарность исторического знания об истории и культуре этого региона. В докладе будут представлены результаты изучения этой проблемы, основной задачей которой является создание целостной картины истории Центральной Азии во всем ее многообразии.

По результатам археографических экспедиций в зарубежные архивные фонды в 2013–2016 гг. была проведена системная обработка выявленных материалов, их анализ и обобщение, имеющие крайне важное значение для восстановления исторической памяти, а также представлений об истории становления и развития государственности в регионе.

Исторические судьбы народов, населявших Центральную Азию, имеют глубокие корни и историко-культурную общность, поэтому сейчас, как никогда раньше, необходимо фундаментальное изучение историко-лингвистических связей и историко-культурных взаимовлияний. Уже со II–III тыс. до н.э. происходит становление единой культурной общности на территории Евразии, которая вырабатывает общую мировоззренческую модель, основанную на единстве представлений индо-иранской, тохарской и древнетюркской общности. Пространственно-хронологическая преемственность материальной и духовной культуры кочевых народов фиксируются как археологическими материалами, письменными источниками, так и визуальными артефактами.

Исследование социально-культурных аспектов трансформации, преемственности и интеграции обществ Центральной Азии является важным и достаточно перспективным с учетом анализа современных явлений.

Некоторые проблемы взаимодействия этнических элит Степного края и Туркестана в годы революции и гражданской войны

Складывание в регионах достаточно значимых образованных и политически активных слоев актуализировало федералистские настроения. Автономизм оказался наивысшим и самым радикальным пунктом в эволюции политических приоритетов этноэлит Степного края и Туркестана. При этом общероссийский административно-территориальный формат стал основой для выработки региональных этнополитических проектов, повлиял на взаимодействие региональных лидеров. Динамика автономистских предпочтений и их конкретных моделей отличалась в зависимости от характера и скорости политических процессов в регионах, уровня организованности и влияния этнополитических активистов, силы и прочности связей между основными участниками борьбы за власть.

В Средней Азии переустройство государственности шло в ожесточенном противоборстве конкурирующих проектов – общероссийских (большевистского и антисоветского) и локального, совместившего политические и конфессионально-культурные приоритеты. Основная борьба развернулась между разношерстной региональной элитой с разной идейной «начинкой» и общей культурно-религиозной идентичностью, и леворадикальными социалистами. Консолидация на конфессиональной основе в определенной мере служила сглаживанию внутриэлитных противоречий. Важным стимулом к росту автономизма стали решения I всеказахского съезда в Оренбурге, влияние башкирских и азербайджанских деятелей, но объединить усилия туркестанских и казахских мусульман не удалось. В Туркестанской автономии руководство вскоре перешло от М. Тынышпаева к более решительному М. Чокаеву. Однако и его амбиции на руководство объединенными силами туркестанцев и казахов последние не поддержали. Крах автономии ускорил раскол ее лидеров на сторонников союза с российской демократией, в т.ч. социалистической, и полагавшихся на иностранную поддержку.

Единству действий казахских автономистов мешали территориальные разломы Степи. На II всеказахском съезде актив Сырдарьинской области предложил соединиться с Алашской автономией при условии союза с Туркестаном, но альянс не состоялся. Но на государственном совещании в Уфе лидеры Туркестана и Алаш выступали солидарно, был разрешен и внутренний конфликт в Алаш-Орде, вызванный попыткой Ж. Досмухамедова создать ханство «Уильский оляят».

Взаимоотношения этноэлит отражали их амбиции, политическую незрелость и потребность в административной централизации, всесторонней интеграции регионов. Отразились противоречия в разделении компетенций и полномочий, а также плюрализм реальных способов функционирования территорий и их активистов в рамках государства, которое восстанавливало свою целостность.

Аникеева Т.А.

Толкование снов в тюркской фольклорной традиции и «Китаб-и дедем Коркут»¹

У многих тюркских народов существовала и существует в рамках более общей мантической традиции развитая традиция толкования снов, которая нашла отражение в

¹ Исследование осуществлено в рамках проекта РФФИ 17-01-50013.

различных формах фольклора этих народов. Отношение к сну как к способу получения знаний о будущем, по всей видимости, является универсальным в том числе и для тюрков.

В некоторых произведениях огузского эпоса (см. как более поздние в хронологическом отношении «Кёр-оглы», «Саят и Хемра», так и «Китаб-и дедем Коркут», начало сложения сказаний которой относят к началу XI в.) сновидение прежде всего является важным структурообразующим элементом сюжета и характеризуется определенным набором признаков, позволяющих возводить его к обряду шаманской инициации: сон эпического героя предстает как обряд посвящения и дарования герою знаний и благодати/благоволения от высших сил («Песнь об Иекенке, сыне Казылык-коджи» в «Китаб-и дедем Коркут»: сон предвещает герою победу в битве).

В то же время в некоторых эпических повествованиях также присутствует и более, на наш взгляд, архаический тип повествования об увиденном сне, не играющий значимой роли в сюжете, но в символической форме предвещающий будущее героя; образная система такого сна тесно связана с мифологическими представлениями тюркских народов. Так, толкование сна Салор-Казана его братом Кара-Гюне (II, «Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана»), которое является одним из наиболее ранних по времени сказаний, составляющим «Китаб-и дедем Коркут», в некоторой степени отражает представления тюрков-огузов о приметах и сновидениях.

Атыгаев Н.А.

К истории казахско-индийских взаимоотношений в XVI-XVIII вв.

Доклад посвящен истории казахско-индийских взаимоотношений в период XVI-XVIII вв. Автор, основываясь на письменных исторических источниках («Михман-наме-йи Бухара», «Тарих-и Кипчаки», архивные материалы, эпистолярные памятники), приходит к выводу о существовании казахско-индийских взаимоотношений в указанный исторический период. Эти взаимоотношения носили разнообразный характер; в некоторые периоды истории правители и жители Казахского ханства и средневековой Индии находились во враждебных отношениях, в другие периоды заметно их стремления к установлению дружественных контактов. По мнению автора, данная тема достаточно перспективна для исследования и необходимо продолжить ее разработку. Для этого требуется введение в научный оборот новых исторических источников, прежде всего, восточных трудов, хранящихся в первую очередь в рукописных фондах Индии и Великобритании, а также тщательный критический анализ ранее известных материалов.

Аширов Т.А.

Несторианство в тюрко-монгольском мире

В арабоязычных исторических трудах содержатся материалы о ранней истории христианства. Труды по теологии (‘илм ал-калам / علم الكلام) и истории религий (та’рих ал-а’йан / تاريخ الاديان), как правило, составлялись согласно трем традициям. К трудам первого направления относятся «макалат» (مقالات), «фирак» (секты / فراق), ко второму — «ар-раддия» (الردية / Апология) (апология), а к третьему — «ал-милал ва-н-нихал» (الملل و النحل)

/ религии и верования). В трудах, относящиеся к истории сект («Макалат», «Фырак») и апологии («ер-Реддие») изучались вопросы, связанные с вероучением периода раннего христианства и особенностей религиозных вопросов того времени. Однако в работах, написанных по истории религий («аль-Милал вен-Нихал»), также содержатся важные сведения по истории раннего христианства. В мусульманском мире на арабском языке под названием «аль-Милал вен-Нихал» были написаны несколько работ по истории религиозных сект, а также об их происхождении и догматике. В этих работах даются различные сведения о количестве и классификации сект: о процессе их развития, основателях, верованиях, местах их распространения, толковании и понимании священных книг и т. д. Произведение «аль-Милал вен-Нихал» Мухаммеда аш-Шахристани из Хорасана и «аль-Фисал фил-Милал вел-Эхваи вен-Нихал» исламского ученого из Испании ибн Хазм аль-Андалуси являются яркими примерами этого. Так, андалузский мусульманский ученый Ибн Хазм аль-Андалуси подробно пишет в своей книге «аль-Фисал фил-Милал вел-Эхваи вен-Нихал»: «Эта секта (насторианство) обычно находится в Мосуле, Ираке, Персии и Хорасане».

Великий мыслитель мусульманского Востока Абу-Рейхан аль-Бируни (конец X – начала XI вв.) в своих произведениях «Асарул-Бакие анил-Курунил-Халие» (Хронология), «Китабут-Тэфхим фи Еваили Синаатит-Танжим» (Астрономия), «Канун ал-Месуди» (Законы Масуда), «Тахкик ма лил-Хинд» (Индия) и ряде других также писал об истории христианства. Несмотря на то, что у ал-Бируни не было специальных работ, посвященных христианству, но тем менее в его уже названных трудах, имеется много сведений по данному вопросу. Так, например, в сочинениях как «Асарул-Бакие» и «Канунул-Месуди» содержится детализированная информация по этой теме, а в «Китабут-Тэфхим фи Еваили Синаатит-Танжим» включены и изложены сведения о ритуалах христианства. Кроме вышеперечисленных работ, история христианства также затрагивается еще в не получивших широкой известности работах мусульманских авторов, таких как Фахреддин ар-Рази, ел-Фахри и др.

Мыслители, обращая внимание на прошлое и настоящее христианства, дали возможность своим современникам распознать и получить достоверные сведения о традициях и ареале распространения. В их трудах были проанализированы такие вопросы, как происхождение христианства, история всемирных соборах, а также представлены сведения о ветвях христианства, получивших распространения в странах Востока: мелькиты, насториане, ариане, марониты, яковиты, маркиониты и др. В связи с этим представляется, что насторианство в тюрко-Монгольском мире имеет особое значение.

Аязбекова С.Ш.

Цивилизационные основы тюрко-монгольского симбиоза

Исследования С.Г. Кляшторного со всей очевидностью обозначили значительную консолидирующую роль тюркской цивилизации, распространенной на степной территории Евразии с начала I тыс.

Археологические открытия последних лет свидетельствуют о более раннем периоде цивилизационного развития этого географического пространства, что дает основание полагать, что тюркская цивилизация является следующим поколением другой

предшествующей ей локальной цивилизации. И такой цивилизацией, на наш взгляд, является тенгрианская. Тенгрианская цивилизация по принципу «сыновне-отеческих отношений» (Дж. Тойбни) выступает в качестве порождающей цивилизации не только для тюркской, но и более поздней монгольской локальной цивилизации.

В докладе предпринята попытка определить особенности тенгрианской цивилизации в контексте основных цивилизационных признаков: единства религии (тенгрианство), территории, этногенеза, календаря, образа жизни, культуры и искусства. Становление тенгрианской локальной цивилизации можно отнести к периоду мезолита, когда возникают две мировые цивилизации - номадическая и оседлая. Их основные характеристики, также как и их частичное распространение на территории евразийских степей, послужит двумя основными составляющими тенгрианской и позже, тюркской и монгольской локальных цивилизаций. Важным в этот период становится и то, что в это время формируется смешанный европеоидно-монголоидный антропологический тип носителей цивилизации, а также складываются в целостную мировоззренческую систему тенгрианские представления.

Баттулга Ц., Аззая Б., Кормушин И.В.

К прочтению Улаан-Чулуутских наскальных рунических надписей из Центральной Монголии

В августе 2017 г. мы, члены совместной российско-монгольской экспедиции - трое соавторов настоящего доклада, вместе обследовали комплекс наскальных рунических надписей в окрестностях кишлака Улаан Чулуут (Центральный аймак, Лунг сумон), расположившегося среди скальных выступов и почти у подножия небольшого островерхого холма, высотой не более 100-120 м. Сам холм стоит посреди ровной степи. Надписи нанесены на ребрах складчатых плит либо на небольших вертикалях, в разных местах, отстоящих друг от друга на 20-80 м, но примерно на одной высоте холма, около 20 м от основания. Впервые Улаан-Чулуутские надписи были открыты и предварительно обследованы монгольскими археологами и эпиграфистами в 2016 г. Однако наше нынешнее представление этих текстов в корне отличается от попыток их интерпретации нашими предшественниками. Здесь, в тезисах, для наглядности мы приведем расшифровку только одной надписи - Улаан Чулуут-4, из комплекса, состоящего из четырех однотипных текстов.

Судя по почерковым и орфографическим особенностям, надпись Улаан Чулуут-4 составлена двумя разными лицами, хотя поминают они одно и то же лицо. Вторая надпись (4б) сделана под первой, и такое впечатление, что второй пишущий ориентировался на написанное первым (слегка списывал), потому что был нетверд в рунической грамоте: он, кажется, перепутал *i* с *p* и не дописал последнее слово. Да и первый пишущий (4а), кажется, допустил орфографическую ошибку, не дописав в слове *järd[ä]* конечный гласный. Установление рунических знаков надписи не представляет каких-либо затруднений, кроме упомянутых случаев ошибочных написаний. К палеографическим особенностям ряда букв следует отнести; 1) чуть увеличенное остроугольное (не прямоугольное) колено у рун для *q* : *q*, *R* : *R*, *t* : *t*; 2) прямолинейные внутренние

перекрестья у рун для $m : m$ и $b : b$ 3) прямые боковинки у руны для велярного $y : \chi$. Все перечисленные и некоторые иные особенности начертаний ряда других рун, отмечаемые нами для надписей УлЧул 1-2-3, достаточно хорошо соответствуют начертаниям, прослеживаемым в рунических надписях уйгурского каганата второй половины VIII – первой половины IX вв.

Слева - оригинальный текст типовым набором в тюркских рунах; правее – латинская транскрипция

4а. *:smrAJQmLJ:iXLv:drj:Rvc:aJQ* (1) qaja : čor : jǎrd[ǎ-?] : uluǵı̄ : jalım qaja : ärmis
mdtb (2) bitidim

Rvcglhb (3) bǎnlig čor

4б. *JQmLJ:pXLv:aJq* (4) qaja uluǵı̄p[ı-?] : jalım qaja

Перевод и общий смысл надписи:

4а. 1) На земле великий из принцев Кая (Скала) – был [принц] Непрístupная Скала!
2) [Это] написал я,
3) Принц Вечности.

4б. 1) Великий [из клана] Кая (Скала) - [принц] Непрístupная Скала!

В надписи 4а обозначилась синтаксическая структура, которая оказалась устойчивой, т.к. повторилась в других надписях этого же типа: на первом месте указывается персона, которой посвящена надпись, вместе с похвалой или благопожеланием этой персоне; затем следует подпись: слово *bitidim* ‘я написал’, после которого написано “кто написал” – имя, звание и т.п.

Бадагаров Ж.Б., Васильева Д.Н.-Д.

Экспедиционное изучение бурятских диалектов и актуальные задачи сохранения культурного наследия бурят-монголов

Бурятский язык, принадлежащий северной группе монгольских языков, относится, как и большинство языков Российской Федерации, к категории языков, находящихся под угрозой исчезновения. В той или иной мере бурятским языком владеют лишь менее половины бурятского населения Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края РФ. Примерно такая же ситуация наблюдается у монгольских бурят, которые компактно проживают в сомонах шести аймаков Монголии. Монгольские буряты находятся на стадии языкового сдвига в пользу родственного литературного монгольского языка — государственного языка Монголии. Считавшаяся до недавних пор наиболее устойчивой в языковом и культурном отношении община бурят в Автономном районе Внутренней Монголии КНР, т.н. шэнэхээнские буряты, также не смогли остаться в стороне от процессов языкового сдвига: в тех семьях, которые перебрались в Бурятию, дети утрачивают родной язык в пользу русского языка, дети шэнэхээнцев, оставшихся в КНР, активно переходят на китайский язык. Можно в целом констатировать повышение динамики языкового сдвига за последние 20 лет по всем этнотерриториальным группам бурят во всей этнической Бурятии: утрачиваются диалекты.

Сказанное требует от ученых скорейшего экспедиционного изучения бурятских диалектов. Нужно успеть записать то, что не было записано предыдущими поколениями исследователей. Несмотря на то, что за советский период в результате комплексного исследования бурятских диалектов был накоплен значительный материал, необходимо продолжить сбор материала с использованием современного оборудования. Немаловажной задачей также является обработка собранного материала, его оцифровка, расшифровка и добавление лингвистической аннотации.

Выдающийся учёный, неутомимый собиратель фольклора Ц. Жамцарано отмечал необычайную важность изучения устного народного творчества бурятского народа. Систематический сбор материалов по бурятским диалектам начался в советское время. 1960-70-е гг. были наиболее плодотворными в экспедиционном изучении бурятских диалектов. В последующем экспедиции носили спорадический характер. Богатое собрание диалектологических данных, которое хранится в ЦВРК ИМБТ СО РАН в г. Улан-Удэ, еще не в полной мере введено в научный оборот. Очень часто диалектологический материал кроме собственно лингвистических данных, отражающих специфику того или иного диалекта, содержит сведения, имеющие важное значение для истории, этнографии, топонимики края. Эти сведения дают объемное представление о духовной и материальной культуре носителей диалекта. С учетом того, что существующие на сегодня аудиозаписи бурятских диалектов не в полной мере отражают их разнообразие, а их качество зачастую оставляет желать лучшего, мы считаем актуальнейшей задачей скорейшего и по возможности полного документирования бурятских диалектов с использованием современных технических средств (рекордеров, видеокамер и т.п.). Преподаватели кафедры филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского государственного университета на протяжении нескольких лет проводят экспедиционные поездки в места компактного проживания носителей различных бурятских и монгольских диалектов. При этом часто приходится быть свидетелем того богатейшего книжного наследия, которым обладают бурят-монголы. Осознание масштабов распространения рукописей и ксилографов на монгольском и тибетском языках привело к реализации ряда проектов археографического характера главным образом нашими коллегами. Это является важной частью процесса документации языкового и культурного наследия бурят-монголов.

Доклад представляет результаты наших экспедиций для сбора и записи диалектологического материала по Республике Бурятия (2011, 2014, 2015, 2016, 2017), Иркутской области (2017) РФ и Монголии (2004, 2008, 2015). В процессе документации диалекта осуществляется аудио- и видеозапись, фотосъемка, данные регулярно копируются на компьютер, и проводится ежедневная обработка собранного материала.

Бимендиев А.Ш.

Источниковедческий и идеологический аспекты геральдической символики кочевой элиты: постановка проблемы

В изучении истории и культуры тюркских и монгольских народов Евразии большое значение придается роли элиты евразийских кочевых империй, значительный вклад в изучение которой внес видный российский тюрколог, профессор С.Г. Кляшторный.

Доклад посвящен исследованию источниковедческого и идеологического аспектов геральдической символики кочевой элиты.

Анализ малоизвестных геральдических источников, средневековых европейских сочинений, а также историко-лингвистические и прочие исследования последних лет предоставляют новые сведения о возможных графических изображениях тамги Чингис-хана и возможность проследить ее эволюцию. В ходе исследования стало очевидно, что геральдический символ Чингис-хана изображался в виде скошенного креста. Именно этот символ получил дальнейшее развитие в период сложения казахского народа в виде этнонима «Алаш» и знакового символа «Алаша-хан».

Гипотеза базируется на разновременных источниках, не связанных друг с другом. Так, например, согласно описанию герба князя Чингиса, представленному в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи», знаком Чингис-хана является скошенный крест, а его изображение приведено на щите герба.

Другое документальное подтверждение этого факту представлено в сочинении по истории Польши и окрестных земель (в том числе и Руси) под названием «Хроника Длугоша» польского историка XV в. Яна Длугоша. Описывая битву войск объединенных сил запада с монголами под Легницей, состоявшуюся 9 апреля 1241 г., автор отмечает, что у монголов среди прочих знамен было самое большое («гигантская хоругвь») знамя, на котором виднелся знак х.

Своего рода доказательством является также сам термин «крест» в некоторых тюркских языках. Так, например, в татарском и башкирском языках для обозначения этого слова используется термин «тэре», «тэре», что, по всей вероятности, связано с известным обозначением потомков Чингис-хана – торе. В некоторых тюрко-монгольских языках слово «крест» в казахской транскрипции звучит как «аш» и «аша». Это слово и его идеологическое содержание, по нашему мнению, лежит в основе казахского идеологического мифа об Алаша-хане.

Бурыкин А.А.

Издания Ричарда Хаклюйта (1552–1616) как источник по истории и этнографии народов Азии

Историко-географические сочинения, написанные учеными средневековья и последующих столетий, являются для нас ценнейшим источником этнографической информации. Особая ценность этих трудов для этнографии заключается в том, что содержащиеся в них сведения фиксируют культуру народов в тех ее состояниях, которые относятся к недоступным для нас синхронным срезам, что делает материалы таких источников ценными для изучения исторической этнографии народов, регионов и целых континентов. Исключительная источниковедческая ценность отдельных источников этого периода и отдельных собраний таких источников, оформившихся в виде сводов и многотомных изданий, заключена именно в их масштабной всеохватности и комплексном характере, который делает их полезными для историков, историков географии как науки о Земле, историков путешествий, мореплаваний и географических открытий, а также представителей всех тех гуманитарных и естественных наук, кто пользуется письменными

источниками в своих исследованиях. Особая проблема – изучение трудов средневековых европейских ученых и путешественников о народах Востока

Одним из таких изданий историко-географических сочинений, изданием, уникальным для своего времени и для того корпуса письменных историко-этнографических источников, которые достались нам в наследство от ученых предшествующих столетий, является многотомная серия под названием ‘The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of the English Nation’ - «Основные плавания, путешествия, торговые экспедиции и открытия английской нации». Современные издания этой серии включают 14 томов: тома 1-5 посвящены Европе, том 6 – территориям Атлантического океана, побережью Африки и западной Азии, том 7 – англо-испанским отношениям на море, тома 8-10 – странам и народам Азии, том 11 – Африке, тома 12-14 - территориям и народам Америки.

Основная цель издателя – публикация документов и письменных источников, адресованных, как можно понять, широкому кругу пользователей: ученым, неготиантам, дипломатам, мореплавателям и военным. Хотя публикуемые документы (на латинском языке с английским переводом или на английском языке) не имеют указаний на источники, они являются ценным материалом для современных ученых, для которых они также могут быть предметом источниковедческих исследований.

Во второй том серии вошли издания сочинений Плато Карпини и Г. де Рубрука на латинском и английском языках. Материалы тома 3, относящиеся к европейско-азиатской границе, показывают эволюцию понимания этнонима Тартары от множественного обозначения азиатских народов до конкретных именовании казанских и астраханских татар, в 4 томе отдельное именование имеют ногайские татары и описываются тюркские и финно-угорские народы Поволжья. В 5 томе серии опубликованы документы, относящиеся к контактам Англии с Арменией, Константинополем и турками.

Предметом тома 6 являются Эфиопия, Египет, северная Африка, побережье Африки по ее периметру.

В тома 8 и 9 серии входят документы о посещении Иерусалима, а также книга описания путешествия рыцаря Джона Мандевила (John Mandeuil Knight) – книга, составленная между 1357 и 1371 гг. Подлинность сочинения сомнительна (скорее оно является подделкой или компиляцией без расчета на достоверность), но и в этом случае оно требует источниковедческих исследований. В 9 томе помещено также сочинение ‘The voyage and trauell of M. Cesar Fredericke, Marchant of Venice, into the East India, and beyond the Indies’, это путешествие совершено в 1563-1581 гг., а его описание переведено с итальянского языка. Как и предыдущее сочинение, оно нуждается в источниковедческих исследованиях с вниманием к географическим и этнографическим реалиям.

Васютин С.А.

Антропологический поворот в отечественном кочевниковедении (памяти С.Г. Кляшторного)

С конца 1960-х гг. в работах отечественных специалистов по социальной истории кочевников все отчетливее набирали силу ревизионистские идеи, появились новые подходы к характеристике кочевых социумов, развивались связи с зарубежными

исследователями, проходил обмен мнениями на международных конференциях и конгрессах, заимствовались понятия и концепции зарубежных теоретиков. Специалисты высказывались против существования феодализма у кочевников, писали об особом «самостоятельном способе производства», указывали на то, что кочевые социумы древности, средневековья и нового времени были «принципиально однотипны» и имели «сходство многих конкретных форм ... общественных институтов», определяли социальные структуры кочевого населения как предклассовые или раннеклассовые (Г.Е. Марков, А.М. Хазанов и др.). В отношении степных этносов были апробированы неэволюционистское понятие *chifdom* (А.М. Хазанов, А.И. Першиц). На этом фоне в ряде работ кочевниковедов наметился синтез истории и антропологии. В этом духе А.М. Хазановым в монографии «Кочевники и внешний мир» (1984 г.) были рассмотрены социальные и политические связи в разных кочевых обществах. Однако, наиболее антропологической была концепция «мужа-воина» в тюркском мире С.Г. Кляшторного, представленная в ряде публикаций 1982–1985 гг. Он полагал, что социально-правовое единство в кочевых государствах находило отражение в применении ко всем членам наименования «эр» – «муж-воин», которым становились все юноши, прошедшие обряд инициации и получившие «мужское» героическое имя. Реальное место «эра» определялось его титулом, саном и положением его семьи, клана, племени. С.Г. Кляшторный обращает внимание на ментальные установки кочевников (термин «менталитет» он не употребляет). В тюркских надписях и эпосе он смог вычленил комплекс представлений о подвигах мужа-воина (героя-воина), после которых он со «славой» возвращается в дом, о престижности военной деятельности, героике войны. «Слава» и «удача» были неперенными атрибутами «мужа-воина». Одновременно исследователь начинает изучение образа каганов в рунике, сакрализации власти и других историко-антропологических сюжетов, более детально разработанных в 1990^х – начале 2000^х гг.

Ганиев Р.Т.

Климат, тюрки и Китай в Центральной Азии (VI-VIII вв.)

В истории Тюркской империи выделяется несколько хронологических этапов, во время которых произошли важнейшие исторические события: 534–545гг. – возвышение древних тюрков; 581–583 гг.– разделение Тюркского каганата на западную и восточную части; 627–630 гг.– максимальное ослабление и подчинение тюрков Китаю; 679–685 гг.– восстановление и новый виток усиления Тюркской империи. Ученые тюркологи и синологи пытаются выяснить причины произошедших событий, используя, в основном, анализ социально-экономических и военно-политических закономерностей развития кочевого общества и Китая в Центральной Азии. Однако историки недостаточно уделяют внимание природно-климатическому фактору в данном регионе.

Основой нашего исследования будут являться данные древесно-кольцевых хронологий [Хантемиров; D'Arrigo at al.; Myglan at al.; Baillie at al.], позволяющие установить климатический экстремум с высокой степенью точности. Мы сравним сведения источников, политические и социально-экономические события, происходившие в Тюркском каганате, с материалами современных климатологических исследований.

Основные сведения о древних тюрках содержатся в китайских династийных хрониках (чжэнши) – Чжоу шу, Бэй ши, Бэй ци шу, Суй шу, Цзю тан шу и Синь тан шу [Бичурин; Liu Mau-Tsai; 二十四史].

Представленный материал свидетельствует об определенной связи исторических событий и климатических экстремумов на территории Центральной Азии, совпадающих с другими климатическими аномалиями в Европе и Китае. При этом наиболее точные совпадения пришлись на ключевые события в Тюркском каганате и северном Китае: 536–545 гг. – возвышение тюрков; 581–583 гг. – разделение Тюркского каганата на Западный и Восточный каганаты; 627–630 гг. – подчинение тюрков Китаю; 679–685 гг. – очередное усиление тюрков.

В основе большинства обозначенных климатических явлений климатологи называют вулканическую причину. Предположительно, очаг извержения вулкана в 626 гг. располагался в северном, а 536 (вулкан Тавурвур?), 581, 679 (Тавурвур?) гг. в южном полушарии [Gao at al., p. 5; McKee at al., p. 65; Sigl at al., p. 3].

В большинстве случаев климатические экстремумы, отмечаемые на кольцах ископаемых деревьев, свидетельствуют о глобальных изменениях климата в масштабах планеты. На территории восточной Центральной Азии резкие и продолжительные похолодания проявлялись наиболее заметно из-за свойств кочевой экономики.

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

Раннее древнерусско-тюркское пограничье: Тмутараканское княжество, болгары и печенеги (историко-лингвистический аспект)

Одной из составных частей раннего (древне)русско-тюркского пограничья являлось Тмутараканское княжество, располагавшееся в Северо-Западном Предкавказье на Таманском полуострове. Оно существовало во второй половине X – начале XII вв., когда потеряло самостоятельность и было присоединено к Византии. В начале X в., еще до его образования, имело место продвижение из земель, примыкавших к Аральскому морю, к границам Киевской Руси огузо-печенежских племен, язык которых сформировался на болгаро-хазарской основе. Затем, во второй половине следующего XI в., их сменяют, как полагал и С.Г. Кляшторный, кыпчакские (половецкие) племена, но на Северном (точнее, Северо-Западном) Кавказе появление последних относят к концу XIV в., когда Тмутараканское княжество уже клонилось к закату.

Вместе с тем продолжают считать, что в пределах Тмутараканского княжества было представлено исключительно адыгское или аланское (иранское) население. В основу этого мнения кладется, как известно, сообщение «Повести временных лет» под 1022 г. о том, как *«Святославъ... ясы побѣди [и] касогы»*. Там же упоминается предводитель касогов *Редедя*, которого победил князь Мстислав Тмутараканский, и *«дань възложи на касогы»*.

В первом случае игнорируется сообщение из переведенного на древнерусский язык (XII-XIII вв.) отрывка из «Иудейской войны» Иосифа Флавия о том, что *«языкъ же ясъский въдомъ есть, яко отъ печенежъского рода родися»*, как, в принципе, и аналогичный генезис этого этнонима. В свою очередь, историко-этимологический анализ этнонима *касог(ь)* указывает на его болгарское происхождение вместе с ойконимом

Тьмуторокань при том, что антропоним *Редедя* также является тюркским, возможно, огузским. Анализ этих и других языковых фактов и исторических сведений позволяет прийти к заключению, что здесь, как и в других ареально смежных областях древнерусского пограничья X-XI вв., проживало прежде всего болгарское и иное (огузско-печенежское) население. Оно было родственно и раннесредневековым тюркским этносам Северо-Восточного Кавказа и Дагестана.

Дашковский П.К.

Мировоззрение тюркоязычных народов Центральной Азии эпохи средневековья в творчестве С.Г. Кляшторного

В докладе рассматривается историографический аспект изучения мировоззрения тюркоязычных кочевников (тюрок, уйгуров, кыргызов) эпохи средневековья в творчестве С.Г. Кляшторного. С.Г. Кляшторный подчеркивал важность сопоставления тюркских рунических текстов и этнографического материала XIX-начала XX вв. При этом ученый обращал внимание, что такие сопоставления будут объективны и обоснованы, если существует определенная историческая преемственность между сопоставляемыми народами. Ученый поддержал точку зрения отечественных и зарубежных исследователей о том, что тюркские племена в эпоху средневековья были знакомы с манихейством, христианством (несторианством), буддизмом и некоторыми тибетскими верованиями. Несмотря на всю трудность выявления синкретичных черт в системе мировоззрений кочевников эпохи средневековья, тем не менее, С.Г. Кляшторный не атрибутировал религию номадов исключительно как шаманизм. Это связано еще с тем, что согласно традиционному для отечественной науки подходу, указанная религиозная форма была характерна преимущественно для обществ, находящихся на догосударственном уровне развития. В этой связи, востоковед подчеркивал формирование особого комплекса представлений и обрядов именно в раннегосударственный период, что было продиктовано определенными социально-политическими интересами правителей. К числу таких поздних элементов он относит представления о покровительстве божественной пары Тенгри и Умай клану каганов, сакрализацию их власти и освящение погребально-поминальных сооружений правителей, ежегодные жертвоприношения в «пещере предков» и др.

В последние годы жизни тюрколог по-прежнему занимался изучением этноконфессиональных процессов в Центральной Азии в эпоху раннего средневековья, что нашло отражение в работе «Памятники древнетюркской письменности в Восточном Туркестане». Тюрколог основательно изучил рунические тексты буддийского, манихейского, христианского содержания, обнаруженные в Восточном Туркестане. Свои исследования в этом направлении он подкрепил анализом огромного количества публикаций зарубежных ученых по проблеме. После работ С.Е. Малова это фактически первая отечественная обобщающая публикация, посвященная характеристике конфессиональной принадлежности тюркских рунических текстов Центральной Азии. Таким образом, рассматривая религиозно-мифологические представления тюркских народов Центральной Азии, С.Г. Кляшторный опирался на источниковедческие исследования письменных средневековых источников. С другой стороны, тюрколог

учитывал этнографические данные по тюркоязычным народам. При этом ученый указывал на значимость именно генетической и культурной преемственности при реализации историко-этнографического подхода.

Добрович М.

Историческая хронологизация древнетюркских надписей эпохи второго каганата

Цель доклада дать подробный анализ исторических обстоятельств создания древнетюркских надписей второго каганата начиная от Чойренской надписи (688-691 гг.) до Онгинской надписи (742 г.).

Исследования С.Г. Кляшторного позволяют, с большой долей вероятности, датировать чойренский камень 688-691 гг., то есть эпохой правления Элтерис кагана. В результате исследований последних лет стало возможно выдвинуть предположение, что наиболее поздней из древнетюркских надписей эпохи второго каганата можно считать Онгинскую надпись.

В результате исследований релятивная хронология древнетюркских надписей этой эпохи выглядит следующим образом:

1. Чойренская надпись;
2. надпись на памяти Тонюкука;
3. памятник Кюл-тегину;
4. памятник хану Могилянцу;
5. памятник Кули-чуру;
6. Онгинский памятник.

Дробышев Ю.И.

Развитие представлений Тэмучжина – Чингис-хана о власти (по источникам XIII-XIV вв.)

Мысль о том, что Чингис-хан чуть ли не с юных лет бредил мировым господством, безусловно, ошибочна. Совсем не факт, что даже в зените своего могущества он всерьез думал о подчинении всех известных ему стран. Источники XIII-XIV вв., прежде всего «Сокровенное сказание монголов», отчасти сохраняющие объективную информацию о его идеях и планах, позволяют реконструировать развитие его представлений, связанных с властью. Эта реконструкция осуществляется в рамках концепции «мироустройства», сопряженной с понятием харизматической формы лидерства в степях. В докладе предполагается на основании, главным образом, приписываемых Тэмучжину – Чингис-хану высказываний обсудить постепенное осознание им своих перспектив сначала как лидера кочевого мира Центральной Азии, а затем и как «универсального монарха».

Дувакин Е.Н.

Словесные формулы народов степного пояса и сопредельных территорий: результаты массовой обработки данных

Словесные формулы способны копироваться из одной традиции в другую и сохраняться неопределённо долго, поэтому с исторической точки зрения анализ их дистрибуции является перспективным направлением исследований. Обработка более 3000 текстов, выполненная в ходе пополнения электронной базы данных по фольклору и мифологии народов мира (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>), позволила выявить как ранее не отмеченные формульные выражения, так и существенно уточнить распространение тех, которые были известны исследователям прежде. В ходе доклада будет проанализирована дистрибуция около десятка сказочных и эпических формул, встречающихся у народов степного пояса и сопредельных территорий (см. N1, N2, N6, N10B, N11, N13, N14, N20, N21 в нашей базе данных). Особое внимание будет уделено тем выражениям, которые, судя по их распространению, являются древними тюркскими/тюрко-монгольскими фольклорными элементами.

Елихина Ю.И.

Некоторые находки тюркского времени экспедиции Г.И. Боровки, привезенные из Монголии в 1925 г.

Григорий Иосифович Боровка (1894–1941) – археолог, историк. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета в 1917 г. С 1917 г. работал в Эрмитаже, с 1921 г. – хранитель отделения эллино-скифских древностей. Изучал культуры Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Одновременно был сотрудником Государственной Академии истории материальной культуры.

Первоначально Г.И. Боровка не был сотрудником Монголо-тибетской экспедиции П.К. Козлова 1923–1926 гг. Но в июле 1924 г., когда были получены первые находки из курганов Ноин-Улы, С.Ф. Ольденбург предложил отправить в Монголию на раскопки еще археологов С.А. Теплоухова (1888–1934) и Г.И. Боровку.

В 1925 г. Г.И. Боровка был в Монголии в качестве руководителя Археологического отряда Монгольской комиссии. Но из-за дождливого лета, затруднившего ведение раскопок в горах Ноин-Улы, и по просьбе Ученого Комитета он ограничился исследованием археологических памятников в долине р. Тола, по результатам был написан отчет и находки были переданы сначала в Государственную Академию истории материальной культуры, а оттуда в 1937–1938 гг. – в Государственный Эрмитаж.

Находки относятся к разному времени, некоторые являются подъемным материалом, другие получены путем раскопок. Всего их насчитывается 318 инвентарных номеров (MP - 453-769, 3038). К ним относятся удила, псалии, стремена, поясные и уздечные пряжки, костяные накладки луков, наконечники стрел, архитектурные украшения и др.

Среди них достаточно много артефактов тюркского времени. Г.И. Боровка раскопал одно из погребений этого периода. Там был найден серебряный поясной набор, декорированный цветочными розетками, стремена и другие предметы.

Сельджукская проблематика в современной западной историографии

В последние десятилетия прослеживается возрастание интереса западных авторов к сельджукской проблематике. Анализ работ по истории сельджукского периода, вышедших, в частности, в Великобритании (Эдинбург, Оксфорд, Лондон, Утрехт, др.) свидетельствует о том, что большинству из них присущи вольная трактовка исторических фактов и довольно пренебрежительное отношение к изучению источников по истории тюрок-сельджуков.

Иоаннесян Ю.А.

Шейхизм – мистико-эзотерическое направление в шиизме

Крайне интересным явлением религиозной жизни Ближнего и Среднего Востока следует признать шейхизм. Это название происходит от основателя школы Шайха Ахмада Ахса'и, происходившего из Лахсы/ал-Ахсы в Саудовской Аравии (неподалеку от Бахрейна). Школа зародилась в конце XVIII в., и пик ее активности пришелся на первую половину XIX в. Помимо мистического и даже эзотерического подхода к исламу, что выразилось, в частности, в символическом и нумерологическом истолковании ряда концептуальных аспектов религии, для этого направления были характерны и усиленные мессианские ожидания – вера в скорое появление «Скрытого имама Ка'има». В рамках этой школы возникло учение о «Вратах Скрытого имама» (Бабе) и представление о завершении «эпохи ислама» и наступлении «новой эры». Именно этими своими положениями шейхизм и подготовил почву для возникновения бабизма – самостоятельной от ислама религиозной системы, основанной Али Мухаммадом Ширази, принявшим титул «Баб» и объявившим о своей миссии в 1844 г. – через год после смерти преемника Шайха Ахмада Ахса'и – Сайида Казима Рашти.

И Шайх Ахмад, и Сайид Казим подвергались гонениям при жизни со стороны шиитского духовенства вначале в Персии, а потом и в Ираке (в пределах Османской империи), куда были вынуждены перебраться в целях личной безопасности. Сайид Казим перед смертью, не оставив преемника, нацелил общину на поиск «Возлюбленного» – имама Ка'има («Владыки эпохи»), который, как он считал, уже появился в мире. Объявление Бабом своей миссии в 1844 г. в присутствии видного шейхита – Муллы Хусайна Бушру'и раскололо шейхитов. Значительная часть из них, последовав примеру Муллы Хусайна признала Баба и составила ядро первых его последователей – «Букв Живущего», другие, сплотившись вокруг фигуры другого шейхита Карим-хана Кирмани, посчитала Баба «лжепророком». Это крыло данной школы встало в резкую оппозицию к бабизму. Первый этап в истории шейхизма (до появления бабизма) можно, вслед за востоковедом Э. Брауном, считать «ранним шейхизмом», второй – после появления раскола в рядах представителей школы на почве признания или непризнания Баба, следует считать «неошейхизмом».

**Новые сведения о поездке А.Н. Самойловича в Туркестан в 1921 г.
(по материалам семейного архива)**

5–7 июня 1973 г. в ЛО ИВАН СССР проходила IV Тюркологическая конференция, посвящённая памяти А.Н. Самойловича (1880–1938), одним из организаторов и активных участников которой был С.Г. Кляшторный (1928–2014). В 1978 г. материалы этой конференции были дополнены и опубликованы в выпуске «Тюркологического сборника - 1974». В то же время, С.Г. Кляшторный не только являлся редактором этой книги, но и подготовил к публикации одну из фольклористических статей А.Н. Самойловича, сделав тем самым значительный вклад в процесс обработки и издания рукописного наследия великого тюрколога.

На той же конференции, собравшей весь свет тюркологии Советского Союза, от академика А.Н. Кононова (1906–1986), идейного вдохновителя этого форума, и Д.М. Насилова (1935–2017) до представителей других республик, например, туркменского исследователя и литератора Д.Н. Нуралыева (1936–2007), присутствовали и родственники А.Н. Самойловича. П.А. Самойлович, сын тюрколога, поведал собравшимся о дипломатической работе учёного, а именно о знаменитых миссиях - в Турцию и Туркестан (1920–1922 гг.).

Основными задачами второй миссии, которая вместо запланированных трёх месяцев заняла полгода, было не только заключение договоров между РСФСР и молодыми Бухарской и Хивинской Народными Советскими Республиками, но и объективное описание современного положения этих стран. В это время А.Н. Самойлович сумел изучить вакуфный и водно-земельный вопрос, ознакомиться с положением юстиции и просвещения республик. По результатам этой поездки была написана знаменитая статья «Первое тайное общество младобухарцев» (1922 г.).

В 2017 г. в семейном архиве, бережно хранимом внучкой ученого, М.П. Самойлович, был обнаружен альбом, составленный из фотографий, сделанных во время пребывания А.Н. Самойловича в Чарджуе, Хорезме и Бухаре. Среди них фото делегатов Хивинского и Бухарского курултаев, членов революционного правительства, участников миссии НКВД, уникальные городские виды Хивы и Бухары, фотографии, снятые во время митинга в поддержку советской власти и пр.

К сожалению, в силу различных обстоятельств, сохранилось очень мало документов, относящихся к этой поездке, что делает эту находку важным источником дополнительной информации об этом сложном и противоречивом периоде в истории постреволюционного Туркестана.

Камалов А.К.

**Картографирование сведений китайских источников о расселении телеских
(огузских) племен: противоречия и их разрешение**

Задолго до создания первого тюркского каганата в 551 г. на исторической арене появились племенной союз, получивший в китайских источниках название «гаочэ»

(высокотележники), которые стали известны позже под названиями теле и чилэ. Эти телеские племена были идентифицированы учеными как «огузские». Разрозненные сведения о телеских племенах имеются во многих китайских исторических сочинениях, которые существуют в переводах на многие европейские языки и активно используются при реконструкции ранней истории древнетюркских племен. Сведения о расселении телеских племен имеют большое значение для понимания истории и культуры древнетюркского общества. Однако до сих пор исторические построения ученых часто основаны на восприятии этих сведений как неких статистических данных, которые неизменно оставались в течение многих столетий. Между тем, частые миграции кочевников вносили изменения в карту расселения телеских племен. В докладе будет сделана попытка проследить движение информации о телеских племенах в китайских источниках, раскрыть существующие противоречия в сведениях об их расселении и объяснить их появление, а также опровергнуть укоренившиеся заблуждения относительно расселения некоторых телеских племен, к которым относится представление о том, что токуз-огузское племя байырку населяло Забайкалье (Ю.Худяков и др.). Китайские сведения о телеских (огузских) племенах будут изучены в сопоставлении с имеющимися известиями источников на других языках, в том числе древнетюркском.

Козинцев М.А.

Статьи С. Г. Кляшторного в «Советской исторической энциклопедии».
Дополнение к библиографии трудов учёного

Библиография научных трудов видного советского и российского тюрколога С.Г. Кляшторного (1928–2014) включает более 370 публикаций, среди которых свыше 30 монографических работ (с учётом как индивидуальных монографий, так и глав в коллективных трудах). Общее количество статей, опубликованных в российских и зарубежных научных журналах, и сборниках на русском, турецком, немецком и ряде других западных и восточных языках, превышает 300 единиц. Вышедший в 2016 г. сборник материалов конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем», посвящённой С.Г. Кляшторному, на настоящий момент содержит наиболее полный перечень его научного наследия. Вместе с тем, список может быть дополнен. Изучение архивных материалов ученого, часть которых в настоящий момент хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН, выявило, что он в течение нескольких лет принимал участие в создании «Советской исторической энциклопедии» (издавалась 1961–1976) и является автором в общей сложности 15 статей для разных её томов. Статьи имеют небольшой объём, что продиктовано спецификой энциклопедического издания, причём под некоторыми особенно короткими авторство С.Г. Кляшторного не значится. Установить его помогли материалы переписки с редакцией издательства «Советская энциклопедия».

Наличие подобных вновь обнаруженных публикаций в очередной раз демонстрирует широту кругозора С.Г. Кляшторного и вклад, который он внёс в развитие и распространение научного знания.

**Вклад русских военных в изучение Кашгарии
(вторая половина XIX-начало XX вв.)**

Военным ведомством России в середине XIX в. была разработана научная программа исследования центрально азиатского региона и, в частности, Восточного Туркестана. Проведенное нами изучение результатов многочисленных экспедиций, поездок и миссий, предпринятых русскими офицерами во второй половине XIX - начале XX вв. наглядно демонстрирует ценность собранных ими материалов исторического, географического и этнографического характера. Заслуга русских военных в изучении Восточного Туркестана не только в том, что они стали первопроходцами этого региона, но и в несомненной научной ценности результатов их исследовательской деятельности.

Красовицкая Т.Ю.

**Тюркские элиты России: векторы межцивилизационного и межкультурного
взаимодействия (начало XX в.)**

В докладе впервые выделены различные аспекты дифференциации восточных элит в борьбе за содержательный вектор национальной политики и российской модернизации. Особое внимание обращено на «состыковку» реальных проблем с умозрительными идеалами о модернизации в атмосфере нестабильности и недоверия этнических элит при переходе от имперского устройства жизни к демократическому, соревновательность с центральными властными структурами за владение рычагами власти. Впервые устанавливается дифференциация элит по возрастному, образовательному и политическому критериям.

Курбанов Б.

Калмыцкий «Джангар» и эпическое наследие тюркоязычных народов

Доклад посвящен анализу эпоса в контексте эпической традиции других народов мира и выявлению общих закономерностей, а также частных принципов и особенностей, присущих данному эпосу. В качестве метода исследования выбран сопоставительный анализ калмыцкого эпоса с такими историко-героическими эпосами тюркоязычных народов как «Деде Коркут» и «Кероглу». Сравнительный анализ показал, что помимо значительного количества общих закономерностей и эстетических принципов (композиция, сюжетная линия, патриотическая направленность темы, условия жизни и быта, героическая борьба героев за свободу и независимость своей родины, используемые в сражениях оружия и т.д.), в вышеназванных эпосах имеют место общие слова и понятия.

Глоссы брахми в уйгурском ксилографе *Sitatapatrā-dhārāṇī*

В ИВР РАН хранятся фрагменты ксилографа текста *Sitatapatrā* дхарани на древнетюркском языке уйгурским письмом с глоссами брахми. Письмо брахми использовалось уйгурами для записи некоторых текстов на древнеуйгурском языке и санскрите, а также для вставок в тексты, выполненные уйгурским письмом. Такие вставки могли включаться непосредственно в строки уйгурского текста или представлять собой отдельные глоссы, помещенные слева между строками основного текста. Ярким примером последнего является рассматриваемый ксилограф. Исследование слов этого изданного ксилографическим способом текста, сопровождаемых глоссами брахми, позволяет сделать предположение, что основной функцией подобного глоссирования были не столько демонстрация религиозной эрудиции и повышение уровня «аутентичности» сочинения, но транскрибирование уйгурских слов индийского происхождения.

Лурье П.Б.

Зороастрийские божества в Монголии и Южной Сибири: взгляд ираниста

В Южной Сибири и Монголии не только специалисты, но и местная интеллигенция хорошо знает, что имя верховного божества, Курбусту-тенгри, иранское и восходит к зороастрийскому верховному богу Ахурамазде. Имя другого божества, Асруа, восходит к зороастрийскому Зурвану, богу времени. Парадоксальным образом эти известные почти две сотни лет соответствия едва знакомы иранистам.

В настоящем сообщении я постараюсь взглянуть на эти заимствования иранской – в первую очередь, согдийской – точки зрения. Мне представляется, что «путь» этих теонимов в Монголию и Сибирь во многом совпадал с процессом распространения арамейской письменности в ее согдийском изводе на Восток. Имена зороастрийских богов использовались согдийскими буддистами и манихеями в качестве *termini technici* для перевода иноязычных имен богов и элементов мироздания. В дальнейшем в этом качестве они были заимствованы уйгурами, причем источником заимствования служили не только буддийские, но и, возможно, манихейские узусы. Эти теонимы уйгуры передали монголам во время первого принятия буддизма в XIII в. Уйгуры естественным образом утратили эти теонимы с обращением в ислам, а монголы сохранили их по сию пору и передали их (в алтунханское и ойратское время) южносибирским тюркам.

Оказываются ли Ахурамазда – Курбусту и Зурван – Асруа единственными иранизмами в духовной культуре этих народов? Мне представляется, что список заимствований можно дополнить южносибирским аза, ээзи «демон» от иранской *Āzai-* «(демоница) корысти», тама «ад» из согдийского *tmu* «то же», хакасское представление о хыл кӧбиртки «мост в загробный мир толщиной в волосинку» может восходить к зороастрийскому мосту Чинват.

Впрочем, при каждом следующем соответствии мы вступаем на все более топкую почву, и нативные, алтайские объяснения этих закономерностей, если таковые имеются, должны перевешивать предположения о сомнительном, но дальнем заимствовании. Я

надеюсь, что тюркологи и монголисты – коллеги, друзья и ученики С.Г. Кляшторного – укажут автору этих строк на предпочтительные с точки зрения их области знания объяснения.

Мокеев А.

Дихотомия социальной структуры Улуса Чагатая–*джете* и *караунас* и некоторые вопросы этнической истории кыргызского народа

В настоящем докладе рассматривается проблема взаимоотношений двух этносоциальных групп внутри Чагатайского улуса– *джете* и *караунасов*, которые, по определению В.В. Бартольда, были носителями степных традиций с двух различных точек зрения - государственной и этнографической или бытовой. Если *караунасы* или *чагатаи* являлись поселившимися в Мавераннахре кочевниками, то *джете* были носителями традиции кочевнической вольницы восточных областей Чагатайского улуса. Несмотря на претензии *чагатаев-караунасов* на защиту государственной идеи, а *джете* на истинных хранителей кочевых традиций, в конечном счете, противоборство этих двух этносоциальных групп привело в середине XIV в. к распаду Чагатайского улуса. В результате на западе страны возникло государство Тимура, а на востоке государство Моголистан. Позднее в государстве Моголистан хранителями кочевых традиций становятся кыргызские племена, которые занимали горнолесные районы, расположенные на северо-восточных пределах страны. Автор «Тарих-и Рашиди» Мухаммед Хайдар характеризует кыргызов как бунтовщиков и беспокойных элементов в государстве Моголистан, в результате антиправительственных действий которых распался это государство в Семиречье, Восточном Туркестане и на Тянь-Шане.

Таким образом, поселившиеся в оседло-земледельческих зонах Средней Азии и Восточного Туркестана и исламизированные кочевники постепенно превращались в ярых сторонников мусульманской государственной идеи. Оставшиеся в степной и горнолесных районах Чагатайского улуса и Моголистана кочевые племена считали себя хранителями кочевых традиций и не подчинялись правителям центральной власти. Взаимные оскорбительно презрительные названия этих двух социальных групп внутри одного государства, обусловленные различием культурной и хозяйственно-экономической жизни, выражались в терминах *джете* и *караунас*. Осевшие в оседло-земледельческих районах бывшие кочевники в глазах носителей степной традиции были *караунасами*, т.е. метисами, тогда как последние, в свою очередь, представителей кочевой вольницы называли *джете*, т.е. разбойниками.

На основе сопоставительного исследования сведений письменных источников с материалами этнографии и кыргызского фольклора уточняется роль государства Моголистан в формировании дуальной этнополитической организации кыргызского народа–Правого крыла и Левого крыла. Различные варианты этнонима *джете* и *караунас* в родоплеменном составе кыргызского народа рассматриваются как осколки вышеназванных этносоциальных групп Чагатайского улуса и государства Моголистан. Название *караунас* в форме *Карнас* встречается также в наиболее раннем варианте кыргызского эпоса «Манас», зафиксированного в сочинении XVI в. «Маджму ат-Таварих»

в качестве собственного имени дяди Манаса. В докладе также предпринята попытка внести уточнения на этимологию терминов *караунас* и *джете*.

Молотова Г.М., Молотова Э.М.

Древнетюркские памятники в исследованиях С.Г. Кляшторного и их значение для современной науки

Исследование древнетюркских памятников имеет свою длительную историю. Особый вклад в изучение этих памятников внес С.Г. Кляшторный, участвовавший во множестве экспедиций, результаты которых освящены в его трудах. Проведенный анализ этих письменных памятников древности не утратили своего значения в настоящее время. Для многих источниковедов, изучающих историю и культуру древности исследования С.Г. Кляшторного является компасом, указывающим правильное направление. В рамках заявленного доклада предполагается рассмотреть вопрос миропонимания древних тюрков, отраженных в орхоно-енисейских памятниках, «Ырк-битиге». При освещении мировоззрения, миропонимания древних тюрков докладчики будут опираться на труды таких известных российских ученых, как С.Г. Кляшторный, И.В. Стеблева и других.

Молотова Г.М., Молотова Э.М.

Степень суфиев «кутб ал-‘алам» по «Тазкира-йи Ходжа Кутб ад-дин Ираки»

Сочинение «Тазкира-йи Ходжа Кутб ад-дин Ираки» служит ценным источником о традиции передачи знания от *мушида муриду*. Один из списков рукописи, приобретенный, согласно А.М. Мугинову, Н. Петровским в 1909 г. хранится в отделе рукописей и документов ИВР РАН. Сочинение повествует о жизнедеятельности Ходжа Кутб ад-дина – суфия из Багдада, который прибыл в Бухару и работал там *хаммалом* (грузчиком) и *кирайакашем* (возчиком). Направленный голосом из *гайба* в Могулистан, он совершенствует в пустыне свое знание под руководством Хазрат-и Хыдра, что свидетельствует о том, Ходжа Кутб ад-дин является *увайсом*. Особое внимание в сочинении уделено его пребыванию Кашгаре и присущим ему *караматам*. Согласно сведениям из данного источника, Ходжа Кутб ад-дин собрал большое количество *муридов*, достиг степени *кутб ал-‘алам*. Как сообщается в сочинении Ходжа Кутб ад-Дин Ираки прожил 120 лет и был похоронен в своей келье. Доклад посвящен взаимосвязи суфиев Накшбандийа Центральной Азии, а также истории традиции наследования знаний.

Мурзакметов А.К.

О кузнечном культе у кыргызов

Железо можно включить в число великих открытий человечества. Не зря одну из эпох первобытной, раннеклассовой истории называется железной. По всей вероятности, люди изначально познакомились с метеоритным железом (так как в природе железо не встречается в чистом виде), которое показало превосходство сделанных из него орудий

труда и войны. Люди, связанные с кузнечным делом, всегда оставались малочисленной группой, поэтому их считали особенными, другими, находящимся под покровительством богов. Об этом свидетельствуют многочисленные легенды и мифы из фольклора народов мира.

У кыргызов также сформировалось особое, почтенное отношение к кузнецам. Кузнец был не только уважаемым членом сельской общины, но и считался носителем некой святости, равно как и его кузница и инструменты. По всей вероятности, это связано с широко распространенным среди народов Центральной Азии представлением о том, что кузнечное ремесло было даровано людям библейским пророком и покровителем кузнецов Давидом (известным также в узбекской традиции как Даут, таджикской – Довуд, казахской – Даут Пайгамбар, туркменской – Дауд, каракалпакской – Хазрети Даут, кыргызской – Доот или Дооту). Считается, что возникновение его культа связано с принятием ислама народами Центральной Азии. Однако, кузнечное дело у кыргызов было развито и до этого момента. Разгром Уйгурского каганата и создание собственного государства уже в IX в. свидетельствуют о развитом вооружении у армии Кыргызского каганата и, следовательно, высоком уровне развития кузнечного ремесла. Доклад посвящен анализу сведений в эпосе «Манас» о покровителе кыргызских кузнецов до библейского (исламского) Давида.

Носов Д.А.

Значение учебных командировок студентов ЛИЖВЯ для исследования фольклора монголов в 1920-е гг.

В 1920 г. в Петрограде было основано специальное учебное заведение для подготовки специалистов-практиков по странам Востока. Несмотря на прикладной характер будущих востоковедов, в создании Института принимали участие выдающиеся академические исследователи, в том числе монголоеды: В.Л. Котвич, Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе, Б. Ринчен. Они формировали учебные планы с целью всесторонней подготовки студентов, обращая значительное внимание на организацию научной работы. Для глубокого ознакомления с жизнью страны администрация и преподаватели Института стремились организовывать длительные учебные командировки. Будущие специалисты по Монголии первоначально совершали непродолжительные поездки в Калмыцкую автономную область РСФСР, а после революции 1921 г. и в саму Монголию. Несмотря на сложности с финансированием, командировки в МНР продолжались по году и более. Значительную поддержку студентам из Петрограда/Ленинграда оказывал Ученый Комитет МНР. Им удалось собрать для Ученого Комитета ряд лингвистических, этнографических и фольклористических материалов, а также коллекции рукописей. Отчеты о деятельности студентов сохранились в архивах Улан-Батора и Санкт-Петербурга. Благодаря полученному во время этих стажировок опыту, многие студенты ЛИЖВЯ впоследствии внесли значительный вклад в развитие монголоведения.

В докладе на примере материалов о стажировках в Монголии будущих выдающихся исследователей – В.А. Казакевича, Ц.-Д. Номинханова и Л.С. Пучковского будет показано значение деятельности студентов ЛИЖВЯ для развития монголоведной фольклористики.

К проблеме казахской государственности в трудах С.Г. Кляшторного

Глобализация предстает как сильнейшее испытание для национальной и культурной идентичности. Заключающиеся в ней социокультурные ценности, стоящие на страже защиты живой исторической памяти, опыта совместного проживания человеческих сообществ, выступают своего рода этническим иммунитетом, инстинктом самосохранения «своего лица» в современной картине мира, своеобразным инструментом коммуникации и взаимодействия между людьми, способным держать в равновесии преемственность и целостность поколений. Сказанное имеет отношение как к проблемам государственности казахов, так и к освящению различных аспектов данного вопроса в трудах С.Г. Кляшторного.

Государственность есть передаваемое из поколения в поколение бесценное наследие: историческая память, основы миропознания, социальный опыт, жизненный ориентир, веками фундаментируемые неизменные константы, посредством которых люди позиционируют себя в современном мире. Изучение данной категории в рамках нового междисциплинарного направления науки – государствоведения, предоставляет возможность панорамного видения геополитических, политико-правовых, социокультурных аспектов казахской государственности.

Затрагивая вопросы комплементарности исторического опыта политико-правовой культуры, проблемы исторической преемственности, взаимосвязи традиций и ценностей Казахского ханства и национальной государственностью казахов, а также исследуя основные знаменатели формулы государственности казахов: ландшафт Великой степи, главных фигурантов – кочевников Евразии, тюркские и монгольские традиции, ценностно-смысловые архетипы, социополитические институты, систему жузов, невозможно переоценить научные исследования известного ученого С.Г. Кляшторного. «Степные империи древней Евразии», «История Центральной Азии и памятники рунического письма», «Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии», его совместная монография с Т.И. Султановым «Казахстан: Летопись трех тысячелетий», а также другие многочисленные статьи по тюркологии и этнокультурной, социальной истории народов Центральной Азии и Казахстана являются поистине бесценным вкладом в изучении проблем государственности.

Пилипчук Я.В.

К вопросу об участии крымских татар в кампаниях 1658-1665 гг. в Украине

Доклад посвящен вопросу отношений Крымского ханства с европейскими государствами в 1658-1665 гг. При этом рассматриваются не отдельные события (Конотопская битва или битва под Чудновом), а тенденции политики Крымского ханства относительно Речи Посполитой и Гетьманщины в указанный период.

Следует отметить, что крымцы сыграли решающую роль в подавлении восстания дейнеков против И. Выговского, а также в победе над русскими под Конотопом. Отряды крымских татар лишили мобильности и окружили войска русских под Любаром и

Чудновым. Платой за участие крымцев в кампаниях на стороне Речи Посполитой был ясырь из пленных русских солдат и аристократов. В кампаниях Ю. Хмельницкого против русских и украинцев, возглавляемых Я. Сомко в 1661-1662 гг. крымские татары были главной ударной силой. В походе Яна-Казимира на Левобережную Украину в 1663-1664 гг. крымские татары играли вспомогательную роль и воевали в основном в Северной земле и сопредельных с ней территориях Русского государства. Крымцы старались поставить в зависимость от себя гетьманов Правобережной Украины и сменяли их по своему усмотрению. Активные действия крымцами в 1665 г. на Украине не велись из-за конфликта с ногайцами.

Понарядов В.В.

К интерпретации Хюйс-Толгойской надписи

Написанная письмом брахми Хюйс-Толгойская (или, в других источниках, Кюс-Толгойская) надпись, которая была открыта монгольским археологом Н. Давааном в 1975 г., до последнего времени оставалась непрочитанной. Однако в августе этого года на 60-й сессии РИАС в венгерском Секешфехерваре интернациональная группа исследователей, в состав которой входят А. Вовин, Э. де ла Вассьер, Д. Мауэ и М. Ольмез, сделала сенсационное заявление об успехе в ее прочтении и дешифровке. Хотя надпись принадлежит к древнетюркскому времени, ее язык оказался принадлежащим к монгольской группе. Исторически, возможно, он должен идентифицироваться как язык жужаней или табгачей. Принимая монгольскую атрибуцию языка надписи, мы не всегда можем согласиться с предложенной интерпретацией некоторых слов и морфем, так как иногда она противоречит известным фактам монгольской языковой истории. В этих случаях мы считаем возможным предложить альтернативные решения, которые приводят к необходимости определенных изменений и в понимании отражаемого надписью исторического контекста.

Почекаев Р.Ю.

Особенности правовых отношений в Монголии XVIII в. глазами российских дипломатов и путешественников

В конце XVII в. практически вся Монголия, за исключением западно-монгольского Джунгарского ханства, попала под власть империи Цин. Соответственно, XVIII в. (особенно его первая половина) стал своеобразным периодом «адаптации» монгольских политико-правовых реалий к новым политическим условиям, к маньчжурским порядкам. Поскольку часть монгольских регионов и племен еще в XVII в. признавали (хотя нередко – и чисто номинально), сюзеренитет Московского царства, в первой половине XVIII в. власти Российской империи продолжали сохранять надежду на переход монголов из китайского в российское подданство. Эти и другие пограничные споры с империей Цин стали причиной активного российско-китайского дипломатического взаимодействия. В то же время оставалась необходимость выстраивания отношений и сохранения мира с независимым и крайне воинственным Джунгарским ханством.

Российские дипломаты проезжали в Китай через монгольские владения, поэтому имели возможность наблюдать на практике правовые отношения среди монголов и в ходе монголо-маньчжурских контактов. Дипломаты обращали внимание на некоторые принципы организации власти, взаимоотношения монгольских правителей с властями государства-сюзерена – империи Цин, статус отдельных групп населения и различных регионов Монголии, а также и на некоторые сферы правоотношений, имеющие прямое отношение к российско-монгольским и российско-китайским отношениям – такие как организация пограничной службы, торговля (внутренняя и внешняя), налоги и сборы и др.

Другие дипломаты, а также и некоторые ученые-путешественники оказывались на территории Джунгарского ханства, также уделяя некоторое внимание и правовым аспектам развития этого государства. Соответственно, для исследователя дополнительный интерес представляет возможность сравнить систему политико-правовых отношений в Монголии, находившейся в вассальной зависимости от империи Цин и в самостоятельной Джунгарии.

В рамках исследования анализируются записки дипломатов С.Л. Владиславича-Рагузинского и других российских дипломатов, побывавших в Монголии в рамках миссий в Китай – Л. Ланга, Д. Белла, С.И. Писарева, В.Ф. Братищева, И.И. Кропотова, А. Незнаева, а также посетивших Джунгарию – И. Унковского, К. Миллера, И.П. Фалька.

Ряжев А.С.

Ханская титулатура у ойратских и тюркских народов в русско-цинских отношениях XVIII в.

Доклад посвящён политико-дипломатическим отношениям раннего Нового времени на юго-восточных границах Российской империи. В нём представлено, что большое место в подобных отношениях занимали крупные кочевые народы степной полосы тогдашней Евразии. Влияние на них имело важность для определения курса России на азиатском направлении. Соперником России здесь выступала Цинская империя, стремившаяся оказывать воздействие на степняков в своих интересах и замыкать на себя все их внешние контакты (показателем подобной политики, в частности, служат посольства Цинов к калмыкам первой трети XVIII в.).

Основное внимание в докладе уделено состоянию ханской власти в среде кочевников указанного региона, перипетиям ханских выборов 1720 – 1780-х гг. (у калмыков, казахов, туркмен), а также роли духовенства и религиозных воззрений номадов в деле наследования/передачи ханской власти и титулатуры.

Принципиально новым для изучения данного вопроса является анализ обстоятельств обращений кочевников к российским и цинским верховным властям за инвеститурой и признанием ханского титула. Более того, как следствие, в докладе охарактеризовано участие светских российских (например, приграничных губернаторов) или маньчжурских чиновников в подготовке и процедурах выборов ханов, выявлены детали церемониала выборов, продиктованные той или иной стороной, обозначены номенклатура и происхождение ханских инсигний (печать, грамота, сабля, шуба, головной убор и др.).

Доклад расширяет научные представления о воздействии религиозных и политических факторов на отношения между Российской империей и Цинским государством, о роли религии в области политики и дипломатии.

Рыкин П. О., Телицин Н.Н.

К интерпретации собственных имен в 9 строке надписи Тоньюкука (Тоһ S2)

В докладе рассматривается этимология собственных имен *Quni Säñün* и *Toŋra Simä*, встречающихся в 9 строке древнетюркской надписи Тоньюкука (ок. 716 г.). Эти имена носят послы, отправленные каганом токуз-огузов соответственно к китайцам и киданям для заключения военного союза против тюрков. Оба имени обладают тождественной структурой, представляя собой сочетания именной основы и титула. На основании анализа широкого историко-филологического контекста авторы устанавливают вероятную этническую принадлежность обоих персонажей и приходят к выводу о том, что их направление в качестве послов к конкретным народам имело под собой глубокие этнолингвистические основания, до сих пор ускользавшие от внимания исследователей надписи и в полной мере восстанавливаемые только в свете последних открытий в области истории и филологии Центральной Азии древнетюркского периода.

Савинов Д.Г.

Древнетюркская фактория VIII–IX вв. на северо-западе Минусинской котловины

В истории взаимоотношений древних тюрков и енисейских кыргызов наиболее яркий след оставил поход тюрков за Саяны в 710–711 гг., неоднократно привлекавший к себе внимание исследователей. Особое значение данного события заключается в том, что оно освещено независимыми друг от друга источниками: енисейскими надписями Алтын-Кёля, блестяще проанализированными С.Г. Кляшторным, и соответствующими местами текстов знаменитых орхонских надписей-эпитафий (в переводах С.Е. Малова). К этому же времени относится и большинство археологических памятников древних тюрков на Среднем Енисее, появление которых обосновано связывается с результатами данного похода. Это характерные древнетюркские погребения с конем, каменные изваяния, наскальные изображения, рунические надписи, тамги. По отдельности они известны здесь во многих местах, но в такой концентрации и в полном «наборе» представлены только на северо-западе Минусинской котловины (в районе с. Новоселово).

Всего на Среднем Енисее известно три каменных изваяния, выполненных в древнетюркской изобразительной традиции. Все они происходят из этого района. Первое из них (Казан-Кыс-таш) было открыто еще в 1721 г. Д.Г. Мессершмидтом, «заехавшим» отсюда в сторону Уйбатской степи и г. Абаканска. Тогда же им были открыты наскальные изображения на Городовой стене (Новоселовская писаница), где позже были обнаружены рунические надписи, а поблизости расположены крупные петроглифические комплексы (Улазы I–III) с изображениями верблюдов и другими раннесредневековыми композициями. В этой же местности располагаются два крупных могильника (Маркелов Мыс I и II), содержащие большое количество (раскопано 28) погребений с конем, —

больше, чем во всех остальных местах Минусинской котловины. Такое количество разнообразных и, судя по всему, одновременных памятников свидетельствует о постоянном нахождении здесь какой-то группы древнетюркского населения; иначе говоря, фактории VIII–IX вв.

Обстоятельства похода 710–711 гг. позволяют рассматривать эти материалы в историческом контексте. После победы над кыргызами, разбитыми, согласно надписи на Алтын-Кёля, в черни Сунга (один из южных районов Минусинской котловины), древнетюркское войско разделилось. Часть его во главе с «малым каганом» Бёгю вернулась в ставку, а бóльшая часть под водительством Тоньюкука осталась в Алтунской черни для продолжения войны с тюргешами, попасть в места обитания которых можно только через северные районы Минусинской котловины. Таким образом, образовавшуюся здесь, судя по археологическим материалам, древнетюркскую факторию можно рассматривать как своего рода «плацдарм» для продолжения похода тюрков на Запад. Очевидно, отсюда, как рассказывают надписи Тоньюкука и Могиляня, началось наступление против тюргешей с последующим возвращением «домой» через Джунгарию и Монгольский Алтай.

Стратегически образование древнетюркского военного поселения (фактории) на северо-западе Минусинской котловины могло выполнять двойную задачу: с одной стороны, регулировать дальнейшие отношения с енисейскими кыргызами; с другой, контролировать северное ответвление Великого шелкового пути (из страны кимаков на Иртыше в страну кыргызов на Енисее), о котором сообщают сочинения арабских авторов. Кроме того, подобное сопоставление данных письменных и археологических источников позволяет осветить несколько неясных вопросов: о месте исхода тюркского войска с территории Центральной Тувы (на основании сходства погребальных сооружений могильников Маркелов Мыс I и II с аналогичными погребениями в Туве); о причине отсутствия кыргызских памятников этого времени на северо-западе Минусинской котловины (эта область была уже занята тюрками, «наложившимися» на таштыкскую основу); об обстоятельствах появления отдельных древнетюркских погребений с конем в соседней Кузнецкой котловине (Шестаковский могильник).

Сапрынская Д.В., Соколовский И.В.

Касимовское ханство и фигура Ураз-Мухаммеда

В 1452 г. *«Касим получил от великаго князя Московскаго Городец (городок Мещерский) на берегу реки Оки в Рязанской области»*. Касимовское ханство не было ханством в его классическом понимании. Это скорее был один из субъектов, административных единиц Московского княжества, а затем царства. В этом ханстве не было единой ханской династии, ханов скорее «назначали». Более того, ханы находились на кормлении и были подданными Московского великого князя, а позже – царя.

Интересен, однако, один конкретный хан, правивший в Касимовсе с 1600 по 1610 гг. Им был некто Ураз-Мухаммед (Ураз-Магмет), родственник казахского хана Тевеккеля. В 1588 г. во время колонизации Сибири воевода Чулков берёт в плен хана Сеид-Ахмеда, одного из противников хана Кучума: *«По немногих же дних князь Сейдяк изыде из града Сибири, с ним же царевич Казачей Орды Салтан, да царя Кучюма думный*

Карача с ним же воинских людей 500 человек». Упомянутый в этом отрывке казахский султан, по мнению Вельяминова-Зернова, является Ураз-Мухаммедом, племянником Тевеккеля.

После своего пленения Ураз-Мухаммед поступает на службу к царю Фёдору Иоанновичу, есть упоминания, что в 1590 г. он был в войске царя, совершавшего поход против шведов: *«В сторожевом полку: царевич Ураз-Магмет Ондонович, да воеводы князь Михайло Самсонович Туренин, да князь Лука Осипович Щербатой»*. В 1600 г. Фёдор Иоаннович выделяет ему во владение город Касимов. В этот период Ураз-Мухаммед, кроме всего прочего, был отправлен «оберегать границу Крымскую». Во время смуты Ураз-Мухаммед, по всей видимости, не вмешивался в политические перипетии во время правления Лжедмитрия первого, но как только на престол взойшёл второй самозванец, он «открыто принял его сторону». Ураз-Мухаммед жил в Тушинском лагере вместе с самозванцем, затем перебрался в Калугу. В 1610 г. по ложному обвинению в измене Ураз-Мухаммед был убит во время охоты.

Однако убийство не прошло даром для Самозванца: некто князь Пётр Урусович, крещёный ногай, решил отомстить за смерть хана и, когда Лжедмитрий выехал гулять близ Калуши, *«князь Пётр пустился за ним в след с многочисленной толпой вооружённых, нагнал его за версту от Калуги, и отрубил ему голову»*.

Так казахский султан сыграл одну из ключевых ролей в истории России периода смутного времени.

Сараев А.С.

С.Г. Кляшторный и Л.Н. Гумилев (по материалам музея-квартиры Л.Н. Гумилева и личным беседам с С.Г. Кляшторным)

На протяжении трех десятилетий, начиная с рубежа 1950-60-х гг., в советском востоковедении, причем в одном городе – Ленинграде, работало два специалиста по политической истории тюрко-монгольских кочевников – Л.Н. Гумилев и С.Г. Кляшторный. Первый представлял в разные годы Эрмитаж и ЛГУ (исторический и географический факультеты), второй – академическую науку и восточный факультет ЛГУ. Образование (исторический факультет ЛГУ и аспирантура Института Востоковедения), специализация, учителя – за малым исключением у обоих совпадали. Все эти факторы не могли не сказаться на взаимоотношениях обоих исследователей. Но был ли неизбежен между ними конфликт и только ли конфликтом ограничивались их отношения? Рассмотрению этих вопросов и анализу содержания дискуссии между Л.Н. Гумилевым и С.Г. Кляшторным посвящен доклад. Если по опубликованным статьям и монографиям можно судить о преимущественно конфликтных отношениях первого и второго, то материалы музея-квартиры Л.Н. Гумилева в Санкт-Петербурге и личные сообщения С.Г. Кляшторного автору доклада открывают куда более сложную и интересную картину взаимоотношений обоих ученых. Один факт, что, начавшись в 1949 г., отношения не прерывались вплоть до конца жизни Л.Н. Гумилева, т.е. продолжались более сорока лет, свидетельствует о том, что, несмотря на печатную полемику, ученые сохраняли неизменный интерес друг к другу и до некоторой степени влияли друг на друга.

Семантика термина *törö* в монгольских исторических сочинениях XVII в.

Среди концептов политической культуры, встречающихся в исторических произведениях монголов XVII в., термин *törö* наиболее сложно поддается интерпретации. Анализ его значений на материале летописи «Шара туджи» и жизнеописания туметских правителей «Эрдэни тунумал нэрэту судур» выявил целый ряд отличий в употреблении этого термина. В особенности это касается тех случаев употребления, которые относятся к сфере традиционной культуры монголов. Автор «Шара туджи» связывает этот термин только с периодом правления Чингис-хана и его наследников – императоров династии Юань. В тексте «Эрдэни тунумал» использование этого слова более разнообразно. По результатам анализа можно сказать, что *törö* в этом памятнике приобретает более абстрактное значение, которое можно перевести как «надлежащий порядок». Кроме того, как и многие другие термины политической культуры, *törö* было включено в лексику буддийских сюжетов, где использовалось для обозначения концепции «двух правлений», легитимирующей власть монгольских ханов с позиций религии.

Сизова А.А.

Содержание монгольской гадательной книги XIII–XIV вв. из коллекции ИВР РАН

Монгольская гадательная книга из коллекции ИВР РАН (шифр G 105) входит в число памятников, обнаруженных в ходе Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова (1907–1909) при раскопках тангутского города Эдзина (Хара-Хото).

Японским исследователем Даи Мацуи было установлено, что в данной книге зафиксирована одна из протоверсий сочинения китайской гадательной литературы, известного под названием «Записки из нефритовой шкатулки» (玉匣記 Юйся цзи). В этом сочинении можно найти рекомендации и указания для определения благоприятных и неблагоприятных дней для совершения различных ключевых действий человеческой жизни (путешествие, торговая сделка, заключение брака).

В докладе будут подробно рассмотрены принципы, цели и содержание гадательных практик, описанных в этом уникальном источнике.

Скрынникова Т.Д.

Значение двойных этнонимов в тюрко-монгольском мире

В идентификационных практиках социально-политических образований в тюрко-монгольском мире нередко встречается употребление по отношению к обозначению кочевых сообществ двойные этнонимы. В свое время на это обратил внимание С.Г. Кляшторный, предложивший интерпретацию известного обозначения древних тюрков как *кёк тюрк*: «Упоминание в орхонских памятниках сочетания *кёк тюрк*, интерпретируемого как “кёки и тюрки” (а не “голубые /синие/ тюрки” как считалось прежде. – Т.С.), “ашина (хотано-сакская этимология слова со значением ‘синий’. – Т.С.) и

тюрки”, позволяет констатировать присутствие в древнетюркских памятниках имени царского рода тюрков и возможное осознание ими, во всяком случае для почти легендарного времени первых каганов, двухсоставного характера тюркского племенного союза» [Кляшторный, Савинов 1994: 14].

Можно говорить об архетипичности подобных идентификационных практик, отмеченных С.Г. Кляшторным, что подтверждает и опыт монгольских кочевников. По отношению к общности, к которой принадлежал Чингис-хан, применялся парный этноним *кият-борджигин*. Можно предположить, что этнонимы *кият* и *борджигин*, так же как и *монгол* и *тайджиут* выступают как обозначение воинского союза, которому присуща амбивалентность: с одной стороны, подчеркивается единство (*монгол-тайджиут* или *кият-борджигин*) общности при лидерстве монголов, с другой, – часто не только первые, но и вторые выступают как самостоятельные субъекты политической практики. Если вторую половину XII века можно обозначить как период борьбы за власть двух лидирующих этнических группировок, то заслугой Чингис-хана стало то, что он окончательно закрепил власть в Монгольском улусе за монголами. Конечно, история формирования Монгольского улуса – это история борьбы за власть в степи различных племен, союзов, политий. Но детальное исследование позволяет говорить о том, что основными участниками этой борьбы от Хабул-хана до установления Чингис-ханом династийного правления представителей своего рода были *монголы* (они же *кият*) и *тюрки* (они же *тайджиуты*, *нукузы* или *чонос* и *борджигин*), точнее, возглавляемые этими этническими группами объединения, представлявшие собой полиэтничные сообщества. Описываемые *Тайной историей монголов* и *Сборником летописей* процессы *монголизации* – это не процесс этногенеза, а процесс иного качества и уровня – *политогенеза*.

Сулаймонов М.Ю.

Роль Хафиза Хорезми в развитии тюркской поэзии

Узбекский поэт Абдулрахим Хафиз Хорезми жил во второй половине XIV – первой половине XV вв., когда в литературе Средней Азии господствующее положение занимал персидско-таджикский язык. Известен он стал лишь недавно, в 1975 г., благодаря найденному в хранилище музея Саларджанг в городе Хайдарабаре сборнику стихов «Диван» (инв. № 4298). Данная рукопись объемом 586 страниц (нет последних листов), судя по почерку, бумаге и чернилам, была написана в Ширазе в первой четверти XV в. и содержит 9 *касыд*, 3 *таржибанда*, 1 *таркиббанд*, 1 *мухаммас*, 1 *марсия*, 1052 *газели*, 2 *мустазада*, 81 *китъа*, 12 *рубай*. В целом поэтическое наследие Хафиза Хорезми насчитывает 18032 *бейта*.

Настоящее имя Хафиза Хорезми можно установить благодаря подписи в семи газелях, в которых молодой автор подписался своим именем «Рахим» или «Абдулрахим». Поэтическое наследие Хафиза Хорезми открывает новую страницу в истории узбекской классической литературы. Будучи патриотом и горячим поборником родного языка и литературы, поэт, по всей вероятности, хотел стать достойным преемником великого поэта Хафиза Ширази и дать своему народу литературу на родном языке:

*Ты неть Хафиза попроси лишь на наречье турок,
Хафиз Ширазский на фарси пропел иное слово!*

Хафиз Хорезами является, наряду с Лутфи, Атаи и Саккаки, ярким представителем узбекской поэзии. Связанный с идеологией суфизма как и большинство поэтов того периода, он примыкал к прогрессивному пантеистическому направлению суфийского учения и являлся как Хафиз Ширази, Абдуррахман Джами и Алишера Навои, поборником человеколюбивых и просветительских тенденций. В художественном отношении стихотворения Хафиза Хорезми, особенно газели, могут считаться лучшими образцами узбекской поэзии ее раннего периода. Образы и рифмы Хафиза Хорезми свидетельствуют о высоком мастерстве поэта; язык его прост, близок в народному, и изобилует хорезмийскими диалектизмами.

Сулейменова Ж.Д.

Роль трудов С.Г. Кляшторного в изучении древнетюркской модели мира и модели человека

Исследованиями мировоззрения древних тюрков в свете культурологического анализа моделей мира и человека в древнетюркских письменных источниках и антропологической парадигмы занимались многие европейские и российские ученые, которые отмечали огромный вклад тюркской цивилизации в мировую культуру. Особое место в ряду данных исследований занимают труды известного тюрколога С.Г. Кляшторного, который внёс огромный вклад в исследования истории ранней и средневековой государственности и древней письменности Центральной Азии.

Одним из ведущих исследований в современной тюркологии является исследование концептов. Концепт «человек» в древнетюркских письменных источниках выявляется при помощи анализа представлений о человеке в обществах тюркского периода (VI-IX вв.), внутренней связи и логики восприятия большого круга концептуальных воззрений, которые невозможны без тщательного анализа этносоциальных структур, выявления фундаментальных категорий этнического менталитета и иерархии социальных ценностей в массовом сознании.

В культурно-антропологическом контексте древнетюркских источников концепт «человек», характерный для «героических эпох» всех стран и народов, по всей вероятности, мог являться «пассионарным толчком» идеи Единства. Так, тюркский мир вместе с Центральной Азией и Евразией занимает одно из ведущих мест в мировом историко-культурном наследии человечества. Описывая политическую, военную силу первого тюркского каганата, С.Г. Кляшторный писал: «Тюркский каганат превратился в политического гегемона не только Центральной, но и Средней Азии. ... к концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени – Византии, сасанидского Ирана, Китайской империи и ведёт борьбу за контроль на торговом пути из Китая в страны запада» [Кляшторный 1964: 21].

Сергей Кляшторный: древнетюркский мир

Комплексный анализ модели мира древних тюрков, дает возможность определить содержание ценностного аппарата древнетюркского мира, классифицировать временные и пространственные структуры, семиотики в древнетюркской модели мира, идейные предпосылки древнетюркских ценностей в формировании мировоззренческих концептов казахской культуры. Также определить особенности и взаимосвязь концептов Человек, Мир, Единство, «Священная земля-вода» в мировоззрении «Небо подобных или с неба рожденных» көк тюрков.

Величайший ученый-тюрколог Сергей Григорьевич Кляшторный внес вклад в развитие научной школы по изучению древнетюркской государственности, политического строя, история правителей и мировоззрение древнетюркского народа.

В своих публикациях С.Г. Кляшторный отмечает, что древнетюркские орхонские тексты принадлежат к перу древнетюркского писателя Йоллык-тегин. [Кляшторный 2011: 20]. Также главная власть принадлежит кагану, обычно, выходцу из рода Ашина. С.Г. Кляшторный отмечает, что Каган «держал эль и возглавлял бодун». Он осуществлял функции главы «гражданского» управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате дани и податей [Кляшторный 2003: 160].

Мировоззренческая категория «четыре угла» обозначает смысл комплексного понимания окружающего социума. Во-вторых, донаучное понимание географической сферы Земли как четырехугольного пространства. В-третьих, такое понимание присуще не только древнетюркской культуре, но и многим древним цивилизациям и культурам [Шаймердинова 2014: 54]. С.Г. Кляшторный пишет: «Земля представлялась создателям текстов четырёхугольным (квадратным) пространством, населённым по краям народами, враждебными тюркам» [Кляшторный 1964: 122].

Говоря о цивилизации и мощи Тюркского Каганата необходимо иметь в виду, прежде всего проблемы общих корней народов, их историческое прошлое, традиции политической борьбы и государственности. Надо отметить, что в основе современного облика Центральной Азии и Евразии лежат достижения и традиции тюркской цивилизации.

Султанов Т.И.

Брачный контракт доисламского периода и громкие разводы по шариату в Средней Азии

В 30-х годах прошлого столетия на территории Таджикистана советские археологи обнаружили редкий тайник с почти сотней древних документов, написанных на согдийском, китайском, арабском языках и один – руническим письмом. Среди этих

документов находился добрачный контракт супругов – знатного тюрка из Семиречья по имени От-тегин и знатного рода согдианки по имени Чат. Контракт составлен на пергаменте, на согдийском языке в 710 г. В брачном контракте перечисляются условия передачи невесты будущему мужу, провозглашаются обязанности мужа и жены, а также оговариваются последствия на случай нарушения предусмотренных соглашением условий.

В VIII в. арабы покорили Среднеазиатское междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, и уже в IX столетии Мавераннахр считался мусульманской страной. Развод у мусульман, в общем-то, лёгок. Сотни и сотни лет тому назад, как и в наши дни, причины расторжения брака были различны. В докладе приводятся сообщения из средневековых ирано-язычных и тюрко-язычных сочинений о разводе внука Тимура Улугбека (убит в 1449 г.), чингизида Бауш-султана из Казахского ханства, о двух разводах основателя государства узбеков в Средней Азии Мухаммада Шейбани-хана (погиб в 1510 г.) и других.

Табалдиев К.Ш.

Тюркские надписи и родовые тамги Кыргызстана

После обнаружения средневековых тюркских руноподобных надписей в восточной части Кочкорской долины Внутреннего Тянь-Шаня, увеличилось и число находок раннесредневековых родовых знаков-тамг. Часть их сопровождалась надписями или рисунками. Такие же знаки-тамги были обнаружены и на отдельно распложенных камнях. Их принадлежность к одному из родовых подразделений народа десяти стрел (Он ок будун) – Западных тюрков несомненна, если учесть прочтение и перевод профессора С.Г. Кляшторного.

Основная часть надписей, обнаруженных в предгорной части Кочкорской долины, по содержанию оказались взаимосвязанными. Несмотря на разницу прочтения тюркологами обнаруженных надписей, благодаря археологам открывались новые надписи, знаки-тамги, наскальные рисунки именно этого периода. Таким образом, создавались условия и перспективы для их целенаправленного поиска. Отметим, что надписи, знаки-тамги, наскальные рисунки в Кёк-Сае расположены достаточно разрозненно. Так, они обнаружены в предгорье, на участке длиной около 2 км и шириной около 1 км.

Спустя 20 лет после обнаружения первых надписей, рисунков и знаков тамг назрела необходимость повторного обследования и изучения этой территории и расположенных на ней археологических объектов. В последние годы стали известны единичные факты обнаружения тюркских руноподобных надписей, рисунков и знаков-тамг. Количество и разнообразие тамг-знаков увеличивалось за счет вновь обнаруженных вариантов. Несомненно, эти находки станут такими же важными источниками при исследовании миграционных процессов, размежеваний различных родов средневековых племен.

Кочевые тюркские племена на Южном Кавказе в эпоху монгольского нашествия¹

В рамках данного доклада хотелось бы уделить внимание истории проникновения кочевых тюркских племен в земли Южного Кавказа в начале XIII в. Нас будет интересовать не только причины их вторжения в эти земли, но также и то, какую роль эти племена будут политической системе Южного Кавказа в указанный исторический период. Не менее важно рассмотреть и то, как кочевые тюркские племена отреагировали на вторжение в этот регион монгольских войск, а также выяснить их судьбу после подчинения Южного Кавказа новым завоевателям. Не менее интересно будет изучить роль тюркских кочевых племен в таких государствах, как Грузинское царство, государство атабеков Азербайджана и Хорезмийской державе Джалал ад-Дина Манкбурны. Миграция кочевых тюркских племен в пределы указанного региона, а также последующие за этим события первой половины XIII в. нашли свое отражение в многочисленных исторических источниках, как арабо-персидских, так и грузинских и армяноязычных. Важно рассмотреть информацию по интересующей нас проблеме во всех трех групп источников, указать особенности освещения их авторами одних и тех же событий, а также тех оценочных характеристик деятельности кочевых тюркских племен на Южном Кавказе в первой половине XIII в., которые используют авторы тех или иных памятников. В рамках отечественной историографии до сих пор практически нет специальных исследований по истории кочевых тюркских племен на Южном Кавказе в эпоху монгольского нашествия. В связи с этим данное исследование во многом первый шаг в деле создания специальных научных исследований по указанной проблематике.

Тишин В.В.

К датировке древнетюркской рунической надписи Бегре (E 11)

Содержание рассматриваемого памятника древнетюркской рунической письменности характеризуется двумя важными моментами, позволяющими предположить его датировку.

Мемориантом надписи является некий анонимный *ičräki*, служивший лицу по имени *Tör Apa*. Текст содержит упоминание об участии меморианта в походе «на табгачского хана» в возрасте 15 лет, что дало повод С.Г. Кляшторному связать содержание памятника с событиями 842–843 гг. На основе археологического материала датировал памятник второй половиной IX в. Л.Р. Кызласов. И.В. Кормушин относит надпись к «наиболее поздней эпитафийной енисейской рунике». Э. Айдын пишет о возможности участия меморианта в подавлении восстания Ань Лу-шаня 安祿山 в 756–757 гг. Автор доклада отмечает две возможности сопоставить меморианта и имя его начальника с персонажами китайских летописей. Во-первых, это министр (сян 相) *Апа (А-бо 阿播), в 848 г. совершивший масштабный поход на ши-вэй 室韋, во-вторых,

¹ Исследование осуществлено в рамках проекта РФФИ № 16-01-50028.

должность самого меморианта можно видеть в имени кыргызского посла к танскому двору в 866 г., которым выступал некий генерал (цзян-цзюнь 将军) И-чжи-лянь-ци 乙支連幾. При этом одно не противоречит другому.

От лица меморианта говорится, что он убил неких «семь волков» (*jāti böri*), но не убивал барсов и кёкмеков (?). В пользу гипотезы А.Н. Бернштама о наличии здесь не темы охоты, а указания на племенные группировки, именовавшиеся по названиям тотемных (?) животных, свидетельствует наличие этнонима *jāti pöri* у одного из сёёков телеутов и также этнонима *чiтi пüүр* у сёёка сагайцев, сформировавшегося в среде телеутов с правобережья р. Томь и некоторой части шорцев. Возможно предположить связь упомянутых в надписи «семь волков» с племенной группировкой уйгуров, в истории которых хорошо известна символика волка, в то время как слово *bars* довольно распространено в ономастике памятников енисейской письменности (кыргызы?).

Таким образом, мы получаем дополнительные доводы в пользу возможности датировки письменного памятника Бегре (Е 11) второй половиной IX в.

Тукешева Н.М.

Парадигма власти в тюркском обществе (VI-XI вв.)

В работах С.Г. Кляшторного впервые делается попытка обратить внимание на особую роль тюркских каганов в обществе. По мнению ученого, основу власти тюркских каганов составляло триединое понятие «народ-государство-закон». Доклад посвящен анализу политико-правовые аспекты норм *törü* (төрү) в древнетюркском обществе на основе анализа сведений письменных источников. Политико-правовая система в древнетюркском обществе была представлена нормами «төрү», которые включали понятие обычая, власти, закона. Термин «төрү» передает триаду «обычай – власть – закон», где доминирует «обычай». Обычай в понимании тюркского народа – это архаичные законы предков, нарушение которых ведет к распаду кочевой общины, рода, племенной структуры.

Данные лингвистических исследований анализируется с целью выявления широкого круга применения термина «*törü/төрү*» и его роли в системе нравственных и правовых воззрений тюркского общества. Автор выявляет непосредственную связь термина *törü* и процесса становления политической власти в тюркском обществе, определяет роль норм *törü* в правовом оформлении политических институтов, таких как каганская власть и каганат. Законы создает высшая каганская власть для организации «*il*», основываясь на обычаях традиционного кочевого общества. Словосочетания «*el törü*» или «*il төрүг*» передают значения «власть над страной и народом» или «быть на самом верху страны и общества».

Автор приходит к заключению, что политическая власть и представление о государственности стали неотъемлемой частью системы норм «*törü/төрү*», которая выполняла регулятивную функцию в жизнедеятельности тюркского социума, и видит в этом закономерный процесс правового оформления политической власти, стремившегося легитимировать свой статус в кочевом обществе через традиционную систему ценностей и норм.

Уйгурское ксилографическое издание *Sitātapatrā-dhāraṇī* из собрания ИВР РАН

В отделе рукописей и документов ИВР РАН под шифром Si 4502 хранятся 14 листов ксилографического издания *Sitātapatrā-dhāraṇī* на уйгурском языке. Согласно сохранившейся описи, ксилограф был куплен профессором С.Е. Маловым в Турфане в марте 1914 г. во время его второй поездки в Западный Китай (1913-1915). В сохранившемся колофоне сказано, что 1000 экземпляров этого текста были напечатаны в год собаки, во второй год правления второго императора династии Юань Олджэйтухагана (монг. *Öljei-tü qaγan*, г.п. 1294-1307), что соответствует 1296 году европейского летоисчисления. Доклад посвящен текстологическому исследованию сочинения, получившего, по всей вероятности, широкое распространение как среди уйгуров, так и монголов в эпоху династии Юань.

Фукалов И.А.

Сакральная специфика власти у верховных правителей федерации кимаков

Государственность кимаков и сакральная специфика их верховных правителей по сей день остается малоизученным аспектом истории евразийского степного пояса во времена раннего средневековья. Кимаки являются одним из видных тюркских этносов этого времени: в период с IX по XI вв. им принадлежала большая территория от верхней Оби до Нижней Волги и от низовий Сырдарьи до сибирской тайги. Однако, они довольно слабо изучены, в основном из-за отсутствия оригинальных письменных памятников. Китайские источники также не проливают достаточного света на кочевое государство-федерацию кимакских племен. Все известные на настоящий момент сведения об этом народе представлены в сочинениях средневековых арабо-персидских путешественников. До сих пор ведутся споры о точном происхождении кимаков и их составе племен и родов. Изначально, в период Западно-тюркского каганата, глава федерации кимакских племен носил титул «шад-тутук». Это титул племенного главы, по всей вероятности, не имевший особого сакрального статуса, встречается в письменных памятниках неоднократно. По свидетельству Махмуда Кашгари, у народа каи (т.е. кимаков) был «свой язык», и в то же время они хорошо владели тюркской речью. Из исторических сведений известно о том, что племя каи или си (хи) последовательно входило в состав каганатов, возглавляемых древними тюрками, сеяньто и уйгурами. Здесь мы видим параллели с кыргызами, которые также входили в состав данных кочевых государств, сохраняя при себе как титулатуру собственных правителей, так и заимствуя или получая титулы от каганов тюрков или уйгуров. Кимакская федерация сложилась IX в. и в нее первоначально входило семь племен: имак (йемек), ими (эймюр), байандур, татар, ланиказ, аджлад и кыпчак. Не исключено, что именно во время формирования этого степного образования, состоявшего из семи племен, появилась в степи поговорка: «У змеи семь голов», приведенная Махмудом Кашгарским в фундаментальном труде «Родословная тюрков».

Титул «байгу», который приводит Б. Кумеков, отражает сочленение двух титулатур: тотемной и старотюркской. Нам стоит лишь заметить эволюцию сакрализации

титула – из «шада» - наместника, правящего своими племенами, после падения каганата уйгуров, правитель кимаков берет титул «ябгу» как бы показывая, что более южные противники – карлуки, одинаковы по власти и силе. Очевидно, «управители» - ханы находились в вассальной зависимости от кагана, а у них в свою очередь были вассалы, получавшие от них земельные наделы, из числа богатой родовой аристократии. Гардизи очень определенно говорит об имущественной неоднородности кимаков, а ал-Идриси подчеркивал, что «только знатные носят одежду из красного и желтого шелка». Социальное неравенство было явным, и это отмечали арабские географы, правитель был отделен не только сакральным статусом, но и имущественной границей. Лишь в момент ослабления сильных противников кыргызов и карлуков, ябгу (жабгу) кимаков берет себе титул каган. Хакан наследовал власть – а значит и ее сакральный статус. Управители племен являлись в то же время военными вождями, что повторяло структуру наместничества у тюркских и уйгурского каганатов. Однако государственный аппарат был ужат и являлся бледной копией былого тюркского могущества. Каган назначал царей из местной племенной элиты, своеобразных «вассалов», при этом его власть оставалась главнейшей и несла в себе сакральный отпечаток. Основным оставался культ Неба-Тенгри, однако часть кимаков заимствовала от уйгуров манихейство, а от южных соседей проникал ислам. Крайне важным фактом является упоминание о культе огня у кимаков и роли кагана в нем. Каган кимаков выступает как первосвященник, определяя по цвету огня, что будет необходимо делать в будущем. Религиозный фон сакрализации власти у кимаков сохранялся от предков – те же обрядовые нормы, гипотетически должен был сохраниться обряд инициации и интронизации кагана как верховного правителя федерации крупных племен.

Хаджиева Т.М.

Древнетюркские божества Тенгри (Тейри) и Умай в фольклоре карачаевцев и балкарцев

В религиозных верованиях балкарцев и карачаевцев главенствующее положение занимал Тейри (Тенгри) — верховное божество всего тюркомонгольского мира. В начале XIX в. академик Г.Ю. Клапрот писал, что «балкарцы и карачаевцы почитают Бога, именуемого не Аллахом, а Тенгри, в качестве подателя всякого добра» [Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 245]. И даже в начале XX столетия они считали, что в жизни и смерти человека волен один Тейри. Вероятно, поэтому в своих алгышах (благопожеланиях) и каргышах (проклятиях), которые относятся к древнейшим жанрам тюркской поэзии, они всегда апеллировали к его имени.

То, что балкарцы и карачаевцы продолжительное время поклонялись Тейри, нашло отражение и в их нартском эпосе. Согласно карачаево-балкарским сказаниям, сотворение мира и нартов связано с деятельностью Богов — Тейри Земли, Тейри Солнца и Тейри Неба, которые принимают самое активное участие в судьбе нартских героев. В сказании «Тейри и нарты» говорится: «Тейри Солнца сотворил солнце, // Тейри Земли сотворил землю. //Моря были сотворены в третью очередь. // Когда были сотворены небо и земля, между ними были сотворены люди» [Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994. С. 302]. В сказании же «Про первого нарта Дебета Золотого», в котором

подробно описывается эпоха Первотворения, Бог из частей своего тела создает не только вселенную, но и первочеловека — нартского кузнеца Дебета. А в эпическом тексте «Тейри» нарты сами говорят о своем божественном происхождении: «В нартах течет твоя кровь, Тейри, // Нарты — часть твоей плоти!» В эпосе Тейри выступает как «творец и податель добра и блага» [Там же. С.582].

Одной из специфических черт карачаево-балкарского эпоса является отсутствие в нем (кроме нартских песен и сказаний о борьбе Ёрюзмека с Фуком/Пуком) богоборческих мотивов. Это мы объясняем тем, что христианство, а позднее и мусульманство были приняты предками карачаевцев и балкарцев формально. Они не допустили «догматику ислама в недра своего духа. Религия осталась внешне общественной формой, а ее культовая сущность заполнилась пережитками далекого прошлого, стройной системой целого ряда старинных адатов и свободной фантазией в области художественных образов, своеобразных обрядов и верований» [*Рогаль-Левицкий Дм.* Песенное творчество карачаевцев// Советское Искусство М., 1928, № 3. С. 63]. А так как «старые мифологические традиции прочнее удерживались там, где было минимально (или отсутствовало) влияние мировых религий» [*Неклюдов С.Ю.* Мифология тюркских и монгольских народов// Тюркологический сборник.1977. М., 1981.С. 185], то у балкарцев и карачаевцев произошла консервация различных древнетюркских верований и Тейри остался в их религиозных представлениях «божеством божеств» не только тюркских, но и их аланских и субстратных (кавказских) божеств. После полного же утверждения мусульманства в Балкарии и Карачае имя Тейри стало у них «одним из 99 эпитетов Аллаха».

В фольклоре балкарцев и карачаевцев сохранились и реликты, связанные с почитанием другого божества древних тюрков — Умай.

Харитонов А.М.

Локализация Орды в географическом пространстве Древней Руси по данным восточных источников

Современная историческая наука высоко оценивает этнографические сведения восточных источников по истории народов нашей страны. А вот географические сведения тех же источников давно и прочно изымаются из географического оборота. Но ведь арабские географы создавали географические карты для норманнских властителей, а не наоборот. Ведь в «темные века» арабская наука, в т.ч. и география, была на подъеме, тогда как в Европе наука сдавала свои позиции в угоду наступающему клерикализму.

Но даже арабская география слабо представляла себе территории к северу от реки Дон. Вслед за античной наукой здесь у нее располагались лишь «незаселенные земли севера». По этой причине искать три центра Древней Руси восточных источников следует ближе к Причерноморью. Из этих центров лишь положение Куявы не вызывает споров — все исследователи считают ее летописным Киевом.

Мы же обратили внимание, что второй центр Руси — Арта (Арса) весьма похож на искаженное Орда (скандинавское Гарды). Это название встречается на карте Махмуда Кашгари и может быть восстановлено в других источниках.

При поисках Славии наше внимание обратили на наличие неких Склавиний (Славии) на Балканах. Крупнейшей из них считается Дунайская Болгария со столицей Преслав. В более позднем географическом сочинении «Список русских городов дальних и ближних» именно болгарские города отнесены к Руси.

Тогда, исходя из общегеографических соображений, три центра Руси выглядят как Славии на Балканах (этническая общность - славяне), Киев (этнические русы) и Орда (варяги? подвластная Руси часть тюрков?) где-то ближе к пределам Кавказских гор. Впрочем, ряд сочинений считает именно Гарды – Орду сильнейшей и наиболее могучей частью Руси.

Не здесь ли и следует искать истоки западноевропейских представлений о русских как части Орды? При этом получается, что эти представления сформировались задолго до татарского нашествия, вероятно, в греческой среде Византии, и до сих пор являются стереотипом, который определяет поведение европейцев по отношению даже к населению современной России.

Цеденова С.Н.

К вопросу о художественном своеобразии рассказов Ц. Дамдинсурэна

По своей творческой многогранности Ц. Дамдинсурэн – явление уникальное в науке, литературе и культуре: одинаково известен он не только как ученый, государственный и общественный деятель, но и как поэт, писатель-прозаик и переводчик. Творческая многогранность Ц. Дамдинсурэна во многом определила своеобразие его прозы, возникшей на стыке литературы и фольклора. Читая рассказы Ц. Дамдинсурэна, зрительно включаешься в воссозданный писателем поток жизни, отчетливо представляешь героев его рассказов, их жесты, портреты.

В творческом наследии Ц. Дамдинсурэна жанр рассказа занимает значительное место. В 1927 г. Ц. Дамдинсурэн пишет рассказ «Четыре маленькие сказки» (Өчүүхэн дөрвөн үлгэр), написанный на сказочные сюжеты, к которым писатель будет и позже обращаться («Старуха» (Эмгэн), «Сказка о желании» (Хүслийн тухай үлгэр)).

Важную роль в рассказах Ц. Дамдинсурэна играет образ повествователя. Роль его различна: это участник или свидетель происходящего, внимательный слушатель, сочувствующий своим героям («Учитель и ученик» (Багш шавь хоёр), «Изменившаяся Соли» (Солийг сольсон нь)), писатель, приехавший по заданию редакции («Два белых» (Хоёр цагаан юм)), рассказчик, повествующий о событиях и необычайных переживаниях героев или о своих собственных («Оба мои сыновья» (Хоёулаа миний хүү), «Гнедой с горы Өлзий» (Өлзийтийн хээр), «Бык Гомбо» (Бух Гомбо)). Во всех рассказах повествователь выступает как лицо заинтересованное. Он знает каждый уголок своей земли, бережно относится к прошлому своего народа, которое оживает в характерах и предметах, картинах былого.

В каждом рассказе Ц. Дамдинсурэна мы встретим описание удивительной природы Монголии. Пейзаж помогает писателю раскрывать психологическое состояние героев рассказа. Природа в рассказах активна, она разделяет заботы и думы героев, живущих в гармонии с ней. С наибольшей силой мастерство Ц. Дамдинсурэна-прозаика проявляется в диалогах, поражающих необычайной достоверностью всего строя народной речи, которую

писатель не просто знал, как тонкий талантливый исследователь, а которой он с детства свободно органически владел. Именно это помогло писателю проникнуть в суть изображаемых им характеров.

Ц. Дамдинсурэн писал многопланово, стремясь достичь полного соответствия с воспроизводимой им реальной действительностью. Его герои предстают перед нами во всей сложности характеров, противоречивости, непоследовательности поступков, как живые, реально существующие люди. Героями его рассказов являются обычные люди, живущие так, как велит им внутренний мир.

Церенов В.З.

Хуннские сюжеты в эпосе «Джангар»

Правитель дунху, ближайших соседей хунну, узнав о захвате власти Маодунем, прислал к нему посла с требованием отдать лучшего из скакунов. Получив коня, выставил новое условие: пусть Маодунь отдаст любимую жену. И на этот раз требование соседа было удовлетворено. Когда же правитель дунху попытался завладеть пограничными землями, Маодунь внезапно атаковал соседей, убил их предводителя, захватил достаточно скота и имущества и пленил множество людей. Такие же требования противник предъявляет Джангару, герою одноименного эпоса. Так, в песни о подвигах Савара в ставку Джангара прибывает посол Догшон Килган-хана и от его имени требует отдать коня Аранзала, ханшу Ага Шавдал и певца Мингияна. В других песнях эпоса список оскорбительных требований варьируется: противник предлагает прислать ему ясновидца Алтана Цеджи, чтобы пользоваться его даром, могучего Хонгора для мелких поручений и Чалого коня Санала, чтобы пасти табун.

Джангар, как и Маодунь, вначале идет на уступки. Но вскоре его богатыри во главе с Хонгором находят силы подавить противника и отстоять благополучие родной страны. Есть основания полагать, что в данном случае мы наблюдаем историческую преемственность эпической традиции, а не просто сходство ситуаций. Тем более, что история возвышения Маодуня, как отмечали исследователи, напоминает фольклорное произведение.

Изучение эпоса «Джангар» позволяет говорить определенно только об одной сказительской школе, имеющей давние творческие традиции - торгутской. Происхождение торгутов прочно связано с кереитами, древняя история которых развивалась в этнокультурной среде племенного объединения хунну. В эпосе имеются указания, что Шигширги, отец Хонгора, происходит из рода тоба (сложившегося в результате брачных связей хунну и сяньби), что подтверждает возможность указанной фольклорной преемственности.

Юрченко А. Г.

Последняя загадка «Codex Cumanicus»: изображение попугая

В 1303 г. по заказу купца Антонио Финале в Каффе (Крым) был составлен «Codex Cumanicus», трехязычный латинско-кыпчакско-персидский словарь. Заказ выполнялся

миноритами ордена Св. Франциска в Каффе, которые занимались изучением восточных языков и переводом библейских и литургических текстов на кыпчакский язык. По желанию заказчика в словарь были включены, помимо священных текстов, наиболее распространенные слова торгового обихода.

В рукописи «Codex Cumanicus» имеется единственный рисунок – это изображение попугая. Что означает эта фигура в латинско-кыпчакском словаре? На сегодняшний день ответа на вопрос не существует. В словаре попугай не упоминается, как не упоминаются и другие птицы. Одним словом, словарь не содержит контекстов для разгадки, следовательно, ответ нужно искать в других исторических контекстах, в частности, на средневековых морских картах (портоланах) и шелковых тканях с эмблемами и именами правителей.

О мамлюкском султানে, правителе Египта, Ибн Баттута говорит в превосходной степени. На Каталонском атласе 1375 г. эта фигура изображена с попугаем в руках; рядом уточняющая надпись: *Aquest soldà de Babillònia és gran e poderós entre los altres de aquesta regió*. 'Султан Вавилоня — самый великий и могущественный среди других [правителей] этой области'. Если на Каталонском атласе правители государств держат в руках знаки власти (скипетры, жезлы, мечи, щиты, золотые шары), либо, как ильхан Персии и царь Дели, ничего не имеют в руках, то египетский султан кормит ручного попугая. Два других попугая шествуют вдоль Нила. Эти фигуры заимствованы из портолана Ангелино Дульцера (1339 г.). На вопрос — можно ли рассматривать эту птицу как знак власти, следует дать положительный ответ. В качестве аргумента выступают шелковые ткани XIV в., на которых вытканы попугай и имя египетского султана. На черно-золотой парче с попугаями, в круглых клеймах на плечах птиц кувшеческими буквами изображено: на одном «Мухаммад», на другом — «Слава нашему султану, государю справедливому, мудрому Насир-ад-дину». Сегодня известны три куса шелка с попугаями. Они хранятся в сокровищницах церковью Богородицы в Данциге и Любеке. Ткань из Берлинского музея Kunstgewerbemuseum первоначально также связана с сокровищницей церкви Богородицы в Берлине.

Такие ткани раздавались при каирском дворе на праздничных церемониях, либо вручались иноземным послам, то есть использовались для легитимации власти. На ткани имя султана выткано на крылах птицы, на карте, наоборот, султан держит птицу. Очевидно, что образ попугая на ткани является исходным символом власти и именно он должен быть предметом исследования. Предлагаю следующую гипотезу. Современник событий, египетский историк Ибн Фадлаллах ал-'Умари, прославляет доблести мамлюков, основную массу которых составляли кыпчакские рабы. Для ал-'Умари они были истинным войском Аллаха и их победы над монголами были исполнением воли Аллаха. Вероятно, в образе попугая кристаллизуется идея избранности мамлюкской династии на служение высшим целям. Попугай — одна из тридцати птиц мистического авиариума суфиев. Попугай, грызущий сахар — образ мистика, растворяющегося в Боге, где попугай — Бог, а сахар — мистик («Диван-и Шамс-и Табризи»). В мистической поэме «Беседы птиц» Атгара, попугай одна из птиц, совершающих путешествие к Абсолюту.

На деле же, неизвестно, какими путем произошла перекодировка мистического символа в геральдический знак. Попугай египетского султана, кыпчака по происхождению, вошел в "Codex Cumanicus" — как эмблема этого правителя.

Монгольская и Турецкая комиссии АН СССР: общее и частное в задачах и деятельности

В истории международной деятельности АН СССР существовало только две комиссии, созданные специально для развития научного сотрудничества с конкретной страной: Монгольская комиссия АН СССР (1927–1953 гг.) и Комиссия по содействию научным связям с Турцией или Турецкая комиссия (1933–1937 гг.). Монгольская комиссия проработала более 25 лет и внесла значительный вклад в развитие научного взаимодействия между советскими и монгольскими учеными. История Турецкой комиссии намного короче. За четыре года своего существования развернуть активные научные контакты с Турцией ей так и не удалось. В причинах создания двух комиссий есть, несомненно, одно общее обстоятельство – политический мотив. Культурные и научные связи являлись важным компонентом укрепления межгосударственных отношений и усиления советского влияния в этих странах. Поводом для установления научных контактов с советской Россией в случае и с Монголией, и с Турцией стали инициативы со стороны этих стран. С монгольской стороны – в 1922 г. просьбы Ученого комитета Монголии о помощи в изучении природных особенностей страны; с турецкой – предложение руководителя Турции Кемалья, высказанное в августе 1932 г., об установлении «систематических контактов» с советскими учеными, прежде всего филологами и историками.

В докладе будут рассмотрены причины организации Комиссии по содействию научным связям с Турцией (Турецкой комиссии) Академии наук СССР, ее персональный состав, задачи, планы и особенности работы, а также причины прекращения ее деятельности; проведен анализ общих и отличительных особенностей Монгольской и Турецкой академических комиссий в контексте конкретных социополитических условий.

Яхонтова Н.С.

Санскритские слова в тибетско-монгольских словарях

Многие тибетско-монгольские словари содержат санскритские слова в записи тибетскими буквами иногда с участием специальных букв. Их функции, место в словарной статье и количество зависит от конкретного словаря, периода и цели его создания, эрудиции автора. По своему значению слова относятся к разным тематическим группам. Их передача на монгольском языке тоже варьируется - это может быть перевод слова на монгольский или его запись в монгольской графике. По функции и, соответственно, месту в словарной статье санскритские слова можно условно разделить на две группы: те, которые автор словаря считает дополнительными пояснениями, или заимствованной лексикой. Первые обычно выносятся за пределы строки текста (как правило, над строкой) и пишутся более мелким шрифтом. Так представлены слова, например, в словаре старых и новых слов «Лиши Гурхан» (1742 г.) и в алфавитном словаре «Лампа языка мудрецов» (XVIII в.). В «переработанной» более поздней рукописной версии словаря «Лиши Гурхан» (XIX в.), в котором неизвестный автор, как он

пишет «для облегчения пользования этим важным словарем», расположил слова по алфавиту, санскритских пояснений значительно меньше, чем в оригинале. Так же поступили и переводчики первоначально тибетского словаря «Лампа языка мудрецов»: многочисленные санскритские слова (иногда несколько синонимов для одного тибетского слова), за единичными исключениями, не были введены в рукописные тибетско-монгольские копии этого словаря. Интересно, что заимствованные санскритские слова в оригинальном тибетском тексте этого словаря сопровождались тибетскими надстрочными пояснениями, которые тоже, в основном, отсутствуют в его переводе. Этот словарь также отличается большое количество записей (а не переводов) на монгольский санскритских слов. Таким образом, авторы более поздних словарей уменьшали количество санскритских дополнительных пояснений, имевшихся в более ранних словарях. В то же время количество заимствованных санскритских слов со временем увеличивалось. В алфавитном словаре «Море имен» (1718 г.) санскритских слов, в тибетской записи начинающихся на графему *ka* без огласовок, всего пять, тогда как в рукописном словаре неизвестного автора (XIX в.) их несколько десятков, включая пять из «Моря имен».

Mehdiyeva A.

Türkistan'da Ardivisura'nın onuruna inşa edilen yazıtlar ve Azerbaycan'da onların benzerleri (S.G. Klyaştorıny'ın eseri temelinde)

Geçmişini araştırmak her zaman büyük ilgi uyandırmış ve farklı kaynaklara dayanmıştır. Bunların arasında tarihi yazıtlar özel önem arz ediyor. Her bir tarihi yazıt inşa edildiği ve mevcut olduğu zaman dilimi konusunda bilgi sağlar. Bu yazıtlardan biri kalelerdir. Bunlar farklı işlevlere sahip olmaları ile karakterizedir. Kalelerin tetkiki sırasında yazılı kaynaklardan elde edilen malzemelerin sağlamış olduğu bilgiler analiz edilirken yeterince uzak mesafelerde inşa edilen bu tarihi yapıların işlevleri arasında benzerlik tespit edilmiştir. Bu açıdan ünlü bilim adamı S.G. Klyaştorıny'ın "Eski Türk Runik yazıtları" adlı eserinin araştırmaya katılımı büyük önem taşıyor. O eserinde çeşitli Türk boyları ile ilişkilendirilen yazılı kaynaklar, tarihi yazıtlar ve şehirler hakkında detaylı bilgi vermiş, Firdevsi'nin "Şehname" eserine dayanarak, Turan'ın başkenti Kang şehri, aynı isimli vilayet ve nehri lokalize etmiştir. Bu çalışmalar Orhon yazıtlarında rastlanan bilgiler ile teyit edilmiştir. Yazar eserde Siyavuş tarafından Kang-dez kalesinin doğuda yapıldığını hatırlatmıştır. İşte bu kalede yedi duvarın ardında bulunan efsanevi hükümdar Pişotan, iyiliğin kötülük üzerinde zaferini beklemiştir.

Arapça ve Farsça kaynaklarda Kang-dez'den bahsedilmektedir. Al-Masudi ve Eş-Şahrastani Od tapınaklarını sıralarken Kang-dez'i de sıralamaya ait etmiştir. Et-Tabari ve El-Biruni onu efsanevi Yima ve Keykavus dönemi ile ilişkilendirmişler. Horasanlı Es-Saalibi Kang-dez'i Efrasiyab kalesi olarak tanımıştır. S.G. Klyaştorıny Avesta'yı bu bilgilerin kaynağı olarak kabul etmiştir. Yazıtın beşinci tarafında (yeşil) Kanga (Kangha) hatırlanmıştır. Savaşan taraflar - bir yandan hükümdar Tusa, diğer yandan hükümdar Vaysak'ın oğulları tanrıça Ardivisura'ya Kangha civarında bulunan Kşatrosuka kapıları önünde zafer kazanmak için başvurmuşlardır.

Tanrıça Ardivisura onuruna Azerbaycan'da da kaleler inşa edilmiştir. Kız Kaleleri bu kaleler arasında farklı tarihî dönemlerde farklı amaçlar için inşa edilmiş muhteşem bir anıt kabul ediliyor. İlk Kız kalelerinin tanrıça Ardivisur'a onuruna inşası edilmesi hakkında görüşler de mevcuttur. Ülke hudutları içinde ve hudutları dışında Kız kalelerinin yayılması onların her

dönemin ideolojik görüşlere uygun değerlendirilmesi ve araştırılması sırasında yeteri kadar uyumsuzluğun tespit edilmesinin anıtın kökeni ile ilişkilendirilmesi mümkündür. Kız kalelerinin yaygınlaşması göz önüne alındığında, eski tarihlerinin öğrenilmesi büyük ilgi uyandırıyor.

Mehdiyeva N.

S.G. Klyaştorny'ın Doğu Türkistan'ın Rus bilim adamları ve gezginleri tarafından araştırılması tetkikleri

Doğu Türkistan'ın öğrenilmesi Rusya için büyük önem arz ediyor. XVI. yüzyıldan itibaren Rus temsilcileri Doğu Türkistan'ı öğrenmeye çalışmışlardı. Bu ülke hakkında bilgiler I. Petro döneminde elde edilmiştir. XIX. yüzyılın ikinci yarısında, sorunun araştırılması daha da yoğunlaşmıştır. Doğu Türkistan'ın daha az öğrenilen iklim, hayvan ve bitki varlığı, yaşam biçimi, kültürü, bölgenin geleneği, ticaret ve ekonomik ilişkileri, kentleşme, kamu düzeni vb. konular araştırma nesnesi haline gelmiştir.

XIX yüzyılın 50'li yıllarında Rusya temsilcisi Ç.Ç. Valihanov Doğu Türkistan'a seyahat etmiştir. Kaşkar'a seyahat eden Rus oryantalist, Ç.Ç. Valihanov az öğrenilen Türk halkları – uygurların dili, yaşam ve hane halkını daha yakından incelemiştir. Uygurlar hakkında edindiği zengin bilgiler kendisini bir uygur çalıştırmacısına dönüştürmüştür. S.G. Klyaştorny beyanına göre, Ç.Ç. Valihanov'un zengin ilmi mirasının önemli bölümü, St. Petersburg şehrinde Coğrafya Derneği'nin arşivlerinde korunmaktadır. Onun Kaşkar'dan getirmiş olduğu Farsça ve Türkçe el yazıları eski SSCB İA Doğu Çalışmaları Enstitüsünün St. Petersburg şubesinde. Rus Coğrafya Derneği Doğu Türkistan'ın incelemesine özel dikkat göstermekteydi. Doğu Türkistan'ın araştırılmasında N.M. Prjevalsky'nin büyük emeği olmuştur. O, Doğu Türkistan'ın güney bölgelerinin incelemesine odaklanmaktadır. N.M. Prjevalsky bu bölgenin coğrafi özellikleri, iklimi, yaşam alanını, gelenek göreneklerini, uğraş alanlarını vb. tetkik etmiştir. Rus araştırmacılarının çeşitli seferleri sırasında yapmış oldukları tetkik çalışmaları bölgede etnografik bilgilerin keşfedilmesinde önemli bir rol oynamıştır. Çeşitli dönemlerde Doğu Türkistan'a ilmi seferler düzenlenmiştir. XIX. yüzyılın sonlarında A.N. Kuropatkin'in yönetiminde Doğu Türkistan'a sefer eden diplomatik misyon Kaşkar'da olmuştur. O, bölgenin incelenmesinde tarihi, coğrafi, askeri, endüstriyel ve ticari yönlerinin araştırılmasına odaklanmıştır. Rus Coğrafya Derneği'nin üyesi olan M.V. Pevtsov, Doğu Türkistan seferine başkanlık etmiştir. Araştırmacıların katıldığı seferde Doğu Türkistan'da uzun ve zor bir yol alınmıştır. M.V. Pevtsov ve seferde yer alan diğer üyeler tarih, coğrafya, etnografi hakkında kapsamlı bilgi edinmiş, topografik ve jeodezik çekimler yapmış ve türlü noktaların konumlarını belirlemişlerdi. XX. yüzyılın başlarında Rus bilim adamlarından M.M. Berezovsky, konsoloslar N.F. Petrovsky, N.N. Korotkov ve diğerleri Doğu Türkistan'ın öğrenilmesinde önemli bir görev almışlardı.

Doğu Türkistan'ın öğrenilmesinde rus bilim adamları, gezginler ve diplomatların başarıları uluslararası toplum tarafından çokça takdir edilmiştir.

Ölmez M.

Küli Çor Yazıtı Üzerine Gözlemler ve Düzeltiler (2017 Ağustos Ayında Yapılan Alan Araştırmaları Çerçevesinde)

Bulunduğu yerden dolayı İh-Hüşöt diye de bilinen yazıtın öteki adı Küli Çor'dur. Ulanbator'un güneydoğusunda yer alan yazıt, merkezî eyaletin (Töv aimag / Төв аймаг) bittiği noktada, delgerhan bölgesinde bozkırın ortasında, açık alandadır. Bugüne kadar 28 satır olduğunu bildiğimiz yazıtın gerçekte 29 satır olduğu, yan yüzde kalan kısa bir satırın gözden kaçtığı sepi edilmiştir. KT, BK ve Ongi yazıtlarından farklı olarak yazıtın kaidesi kaplumbağa şeklinde değildir. Kaide kare şeklinde, düz blok taştır. Yazıtın çevresinde çeşitli heykeller, balballar yer alır. Üst kısım en çok yıpranan bölümüdür. Yazıt hakkında yakın zamana kadar yayımlanan çalışmaların özellikle ikisi çok dikkat çekiciydi: Kotwicz'in 1928'deki yayını ve Clauson ile Tryjarski'nin 1971'deki yayınları. Her iki çalışmanın dışında Küli Çor'u ele alan başka yayınlar da vardır. Yeni çalışmalardan alan çalışmasına dayanan, en güvenilir yayın O. Mert'in incelemesidir. Kısaca özetlersem, yazıtta Kapgan Kagan döneminden başlayarak Küli Çor'un hayatı ele alınır. Temir Kapıg'dan Yençü Ügüz'e (Sır Derya) kadar yaptığı seferler, daha çocukken avda gösterdiği başarılar sıralanır. Tokuz Oguzlara, Kitanlara ve öteki komşu kavimlere karşı savaşları, bu savaşlarda hangi atlara bindiği belirtilir. Dili açısından bakıldığında, II. Türk Kağanlığı yazıtlarında seyrek ya da hiç görülmeyen, sonraki dönemlerde de çok az rastlanan kelimelerle karşılaşırız: çıkan "yeğen", özlük "şahsî, has", bulna- "tutmak, yakalamak, esir almak, tutsak etmek" gibi. Budist Uygur metinlerinde asıg tuso "fayda, yarar, kâr" iki-lemesinde görülen tuso en eski olarak bu yazıtta geçer. Yine daha sonraları meñi şeklinde m- ile görülen "neşe, eğlence" sözcüğü ilk ve belki de tek olmak üzere burada b- ile beñi olarak görülür. Bir başka önemli nokta da tunyukuk adının tuñukuk değil de, tunyukuk şeklinde n ve y ile, iki ayrı harfle yazılmış olmasıdır. Bu da söz konusu adın tun ve yUkUk şeklinde iki ayrı sözcük olarak düşünülmesini destekler niteliktedir. Bildiride 2017 Ağustos ayında yazıt üzerinde yaptığım inceleme ve bu inceleme sonucu 2012 tarihli konuyla ilgili ilk yayınımdaki yazıtın transkripsiyonda yaptığım değişikliklere yer verilecektir.

Raschmann S.-C.

New insights into the Old Uyghur society

The earliest Old Uyghur text remains preserved in the Berlin Turfan collections (Berlin Brandenburg Academy of Sciences and Museum of Asian Art, Berlin) stem from the period of the West Uyghur Kingdom (second half of the 9th to the beginning of the 13th cc.), i.e. the time after the Uyghur's spreading westwards as a result of the decline of their East Uyghur Empire in Mongolia (745-840).

The Uyghurs, or at least the members of their ruling class, were still followers of the Manichaeic belief when they established their West Uyghur Kingdom on a territory which was under strong Buddhist influence by the local Chinese and Tocharian inhabitants. During the last decades great efforts were made in reconstructing the social and economic life of the West Uyghur society during this period. New materials and texts, even if much shorter than the well-known "Erlass zur Wirtschaft manichäischer Klöster", broaden our knowledge. Among these materials documents related to the administration and the daily life within the Buddhist, Manichaeic and Christian monasteries, temples and communities. These sources and new insights gained from them will be presented in the framework of this paper.

Partitioned Administration of the Steppe

A glance at Asian history before Chinggis Khan shows that periods of universalism and localism followed one another. The focus in general has been on the periods of universalism with the Han and the Xiongnu, the Early Türk and Uighur empires and the Tang. This twosome appearance of nomadic empires and sedentary Chinese dynasties has drawn attention of various scholars and been ascribed to linguistic, ethnic and economic differences, including differing approaches to solving economic problems.

Whereas in steppe societies in general economics and politics are not easily separated, during the times of universalism we observe in the steppe a separation of politics from the economics thus creating a stratification between the rulers and the ruled. Within the ruling family there was no such separation. Thus, redistribution of resources and powersharing were practiced resulting in lateral succession. The focus of this paper will be the "partitioned administration" in conjunction with the developments among the Early Turk.

Vér M.

Structures of Communication in East Turkestan under Mongol Rule (13th–14th cc.)

Studies during the last decades pointed out that Eurasia in the 13th and 14th centuries witnessed a cultural and economic exchange in both size and efficiency what was unseen before. The Mongols not only enabled it with the establishment of the biggest contiguous inland empire in world history, but they acted as active agents of intercultural and economical exchange. Beside the official structures of communication (such as the famous postal- or jam/yam-system, the army etc.), the private ways of communication (personal letters, caravans, etc.) also highly contributed to this process.

The present paper will introduce an ongoing research project at the Berlin Brandenburg Academy of Sciences (BBAW), which aims at identifying and analyzing the different structures of communication in East Turkestan under the Mongol Rule. The externally funded project started on 1 September 2017 and is mainly based on written primary sources, like the Old Uyghur and Middle Mongolian documents unearthed in the area. The presentation will focus on the following aspects: the general aims of the research, the sources and their value, expected results.

Yılmaz Killi G.

Codex Cumanicus'taki Bilmecelelerin Hakas Sözlü Geleneğindeki Eşmetinleri

Halk edebiyatının kısa ve bazı şiirsel özellikleri taşıyabilen türlerinden biri olan bilmece, en genel biçimiyle “Beklenmedik cevapları olan geleneksel sorular”dır. Bilmece türünün adına ilk kez 11. Yüzyılda yazılmış olan Divanu Lugati't-Türk'te rastlanmaktadır. Divan'da *tap-bulmak” fiilinden gelişmiş olan tapuzgu, tapuzguk, tapzug sözcükleri “bilmece” anlamıyla

verilmişse de Divan'da bilmece örneklerine rastlanmamaktadır. Ancak 13. Yüzyıl sonu 14. Yüzyıl başlarında İtalyan ve Alman tercüman misyonerler tarafından kaleme alınan Codex Cumanicus Türk bilmecelerinin en eski kayıdır. Bilindiği üzere Codex Cumanicus (bundan sonra CC) iki kısımdan oluşmaktadır: İtalyan ve Alman kısmı. İtalyan kısmı (1-55 sayfalar) Latince-Farsça-Kumanca Sözlük'ten, Alman kısmı ise (56-60 sayfalar) Kumanca-Almanca Sözlük, Latince-Kumanca Sözlük, Bilmeceler ve nesir ve şiir biçimindeki Hıristiyan metinlerinden oluşmaktadır. CC'daki bazı bilmecelerin başlangıç ve bitiş kısımlarının tam olarak ayırt edilememesi, bazı bilmecelerin cevaplarının yazılmamış olmasından dolayı Codex Cumanicus ve Codex Cumanicus'taki bilmeceler üzerine yapılmış çok sayıda çalışmada bilmecelerin toplam sayısı farklı bildirilmektedir. Ancak son yapılan çalışmalarda (örneğin Garkavets ve Güner'in çalışmalarında) 47 bilmecedan söz edilmektedir. Codex Cumanicus'taki bilmecelerle ilgili çalışmaların bir kısmı da bu bilmecelerin çeşitli Türk halklarının folklorundaki versiyon ya da varyantlarının Kuman bilmeceleri ile dil ve edebi özellikler bakımından karşılaştırılmasıyla ilgilidir. Örneğin H. Ş. Mahmudov Kuman bilmecelerini Tatar bilmeceleriyle karşılaştırmış ve %50 oranında uygunlaştıklarını tespit etmiştir. Munis Curayeva Kuman bilmeceleriyle Özbek bilmecelerini karşılaştırmış ve uygunlaşan beş bilmece bulmuştur (Garkavets yayınına göre 6, 8, 21, 28 ve 35 numaralı bilmeceler). A. Arabacı Türk ve Kırgız bilmeceleri ile Kuman bilmecelerini karşılaştırmış, Kuman bilmecelerinin 4'ünü Türk (Anadolu) sözlü geleneğinde (6, 24, 28, 41 numaralı bilmeceler), 6'sını ise Kırgız sözlü geleneğinde (6, 11, 21, 24, 28, 41 numaralı bilmeceler) tespit etmiştir.

CC'daki bilmeceler ile Hakas bilmecelerinin karşılaştırılmasıyla 47 bilmecedan 8'inin (8, 13, 27, 28, 29, 38, 40, 43) gramer, söz varlığı, şiirsel özellikler gibi çeşitli açılardan uyduğu tespit edilmiştir. Bu benzerlikler Hakas sözlü geleneğinde en eski bilmece oluşturma yöntemlerinin korunduğunu açık olarak göstermektedir. Kuman ve Hakas bilmecelerinin karşılaştırılması bu bilmecelerde yüzyıllar öncesinde kullanılan metafor ve karşılaştırmaların halen halkın hafızasında korunmakta olduğunu ve benzer çağrışımları oluşturduğunu göstermekte ve ayrıca bu bilmecelerdeki çeşitli değişmelerin sebeplerinin anlaşılmasını da sağlamaktadır.

Список участников конференции

Абдиев Таалайбек Камбарович

директор Высшей школы иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент Киргизско-турецкого университета «Манас». Бишкек, Киргизия.

taalaykambar@gmail.com

Абдимиталип уулу Нурсултан

докторант Кыргызско-Турецкого университета «Манас». Бишкек, Киргизия.

nursultan.abdimitalipuulu@mail.ru

Абдулла Зулейха

доцент Бакинской музыкальной Академия им. У. Гаджибейли, PhD. Баку, Азербайджан.

zuleykha_az@outlook.com

Абдулла Абуталиб оглу Ялчын

доцент кафедры музыковедения Газиантепского университета, доктор философских наук. Газиантеп, Турция.

yabdulla@gantep.edu.tr

Абусейтова Меруерт Хуатовна

директор Республиканского информационного центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, доктор исторических наук, член-корреспондент НАН РАК. Алматы, Казахстан.

mabusseitova@hotmail.com

Аззаяя Б.

доктор, доцент Монгольского государственного университета. Улан-Батор, Монголия.

Аманжолова Дина Ахметжановна

ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор. Москва, Россия.

amanzholova19@mail.ru

Аникеева Татьяна Александровна

старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук. Москва, Россия.

tatiana.anikeeva@gmail.com

Атыгаев Нурлан Адилбекович

заместитель директора Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, доктор исторических наук, доцент. Алматы, Казахстан.

nuratygaev@mail.ru

Аширов Тахир Амандурдыевич

профессор Университета им. Бюлент Эджевит. Ph.D. Стамбул, Турции.

tahirashirov@gmail.com

Аязбекова Сабина Шариповна

профессор Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (Казахстанский филиал), доктор философских наук, кандидат искусствоведения, чл.-корр. JASHE (Великобритания). Астана, Казахстан.

ayazbekova@mail.ru

Бадагаров Жаргал Баяндаалаевич

заведующий кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Улан-Удэ, Россия.

bjargal@mail.ru

Баттулга Ц.

доктор, профессор Монгольского государственного университета. Улан-Батор, Монголия.

Бимендиев Абдибек Шарбекович

руководитель АО «АБДИ Компани», кандидат технических наук. Алматы, Казахстан.

ernursky@gmail.com

Бурыкин Алексей Алексеевич

ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доктор филологических наук, доктор исторических наук. Санкт-Петербург, Россия.

albury@mail.ru

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна

кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Улан-Удэ, Россия.

Васютин Сергей Александрович

доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент. Кемерово, Россия.

vasutin2012@list.ru

Ганиев Рустам Талгатович

доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. Екатеринбург, Россия.

rusthis@yandex.ru

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович

профессор Дагестанского государственного университета, доктор филологических. Махачкала, Россия.

garun48@mail.ru

Дашковский Петр Константинович

заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, доктор исторических наук. Барнаул, Россия.

dashkovskiy@fpn.asu.ru

Добрович Михай

профессор Университета им. Шейх Эдебали, PhD. Биледжик, Турция.

dobrovits@gmail.com

Дробышев Юлий Иванович

Старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, кандидат исторических наук. Москва, Россия.
altanus@mail.ru

Дувакин Евгений Николаевич
научный сотрудник Отдела Америки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, кандидат филологических наук, Санкт-Петербург, Россия.
e.duvakin@gmail.com

Елихина Юлия Игоревна
старший научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, кандидат исторических наук. Санкт-Петербург, Россия.
julia-elikhina@yandex.ru

Запорожец Владимир Михайлович
независимый исследователь, кандидат исторических наук, доцент. Москва, Россия.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич
старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, кандидат филологических наук. Санкт-Петербург, Россия.
youli19@gmail.com

Ихсанов Антон Робертович
аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Москва, Россия.
antonx2301@icloud.com

Камалов Аблет Каюмович
профессор кафедры регионоведения и международных отношений Университета «Туран», доктор исторических наук. Алматы, Казахстан.
abletk@mail.ru

Козинцев Марк Альвиевич
старший лаборант Института восточных рукописей РАН, магистр востоковедения и африканистики. Санкт-Петербург, Россия.
m.kozintcev@mail.ru

Колесников Александр Антонович
ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований, доктор исторических наук, профессор. Москва, Россия.
akol2006@gmail.com

Кормушин Игорь Валентинович
главный научный сотрудник Института языкознания РАН, доктор филологических наук, профессор. Москва, Россия.
igorkormushin@yandex.ru

Красовицкая Тамара Юсуфовна
главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор. Москва, Россия.
tkrasovitskaya@mail.ru

Курбанов Бабек

профессор Газиантепского университета, доктор философских наук. Газиантеп, Турция.
kurbanov@gantep.edu.tr

Лундышева Ольга Владимировна

сотрудника отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
olgavecholga@gmail.com

Лурье Павел Борисович

заведующий сектором Средней Азии, Кавказа и Крыма Государственного Эрмитажа, кандидат филологических наук. Санкт-Петербург, Россия.
pavlvslvria@gmail.com

Мокеев Анварбек

проректор Кыргызско-Турецкого университета «Манас», доктор исторических наук, профессор. Бишкек, Киргизия.
anvarmokeev@gmail.com

Молотова Гульбахрем Максимовна

заведующая отделом литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова комитета науки министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат филологических наук, доцент. Алматы, Казахстан.
gmolotova@mail.ru

Молотова Эльвира Максимовна

старший научный сотрудник отдела литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова комитета науки министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат исторических наук. Алматы, Казахстан.
m.elvira_76@mail.ru

Мурзакметов Абдымиталип Камытович

завкафедрой кыргызской литературы Ошского государственного университета, кандидат исторических наук. Ош, Киргизия.
suzak65@mail.ru

Носов Дмитрий Алексеевич

научный сотрудник Сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, кандидат филологических наук. Санкт-Петербург, Россия.
dnosov@mail.ru

Оразбаева Алтайы Иранбек кызы

профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор исторических наук. Алматы, Казахстан.
altaiy_orazbaeva@mail.ru

Пилипчук Ярослав Валентинович

младший научный сотрудник отдела Евразийской степи института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, кандидат исторических наук. Киев, Украина.
pylypchuk.yaroslav@gmail.com

Понарядов Вадим Васильевич

старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, кандидат филологических наук. Сыктывкар, Россия.

vadim.ponaryadov@yandex.ru

Почекаев Роман Юлианович

заведующий кафедрой теории и истории права и государства национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал), кандидат юридических наук, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

ropot@mail.ru

Ряжев Андрей Сергеевич

доцент Поволжского православного института, кандидат исторических наук. Тольятти, Россия.

riazhev@yandex.ru

Рыкин Павел Олегович

старший научный сотрудник отдела языков народов РФ Института лингвистических исследований РАН, кандидат исторических наук. Санкт-Петербург, Россия.

pavryk@yandex.ru

Савинов Дмитрий Глебович

профессор Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук. Санкт-Петербург, Россия.

lazarevskaya_n@mail.ru

Сапрынская Дарья Викторовна

магистр Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

saprinskayadv@gmail.com

Сараев Андрей Сергеевич

соискатель Казанского государственного института культуры. Казань, Россия.

andrejsaraev@yandex.ru

Селюнина Дарья Дмитриевна

магистр Восточного Факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

nyakokos@gmail.com

Сизова Алла Алексеевна

младший научный сотрудник отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН.

al.la.sizova@yandex.ru

Скрынникова Татьяна Дмитриевна

завотделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, доктор исторических наук, профессор. Санкт-Петербург, Россия.

skryta999@mail.ru

Соколовский Иван Викторович

Магистр центра европейских исследований Ягеллоонского университета. Краков, Польша.

ote.kadjueshi@gmail.com

Сулаймонов Муминжон Юсубжонович

доцент Наманганского государственного университета, кандидат филологических наук.
Наманган, Узбекистан.

msulaymon62@mail.ru

Сулейменова Жулдыз Досбергеновна

заместитель директора департамента по развитию Автономной организации образования «Назарбаев интеллектуальные школы», PhD. Алматы, Казахстан.

zhsuleimen@gmail.com

Султанов Турсун Икрамович

заведующий кафедрой Центральной Азии и Кавказа Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук. Санкт-Петербург, Россия.

cac@orient.pu.ru

Табалдиев Кубатбек Шакивич

профессор отделения истории Кыргызско-Турецкого университета «Манас», кандидат исторических наук. Бишкек, Киргизия.

tabaldievk@yahoo.com

Ташагыл Ахмет

заведующий кафедрой истории и этнологии Университета Йедитпе, доктор исторических наук, профессор. Стамбул, Турция.

Телицин Николай Николаевич

заведующий кафедрой тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

n.telitsin@spbu.ru

Тимохин Дмитрий Михайлович

Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Национального исследовательского университета «высшая школа экономики», кандидат исторических наук. Москва, Россия.

horezm83@mail.ru

Тишин Владимир Владимирович

старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, кандидат исторических наук. Улан-Удэ, Россия.

tihij-511@mail.ru

Тукешева Назгуль Мукатаевна

старший научный сотрудник Центра истории и археологии Западно-Казахстанской области, кандидат исторических наук. Уральск, Казахстан.

naztuk@mail.ru

Туранская Анна Александровна

младший сотрудник Сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, кандидат филологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

turanskaya@mail.ru

Фукалов Иван Алексеевич

и.о. доцента Бишкекской финансово-экономической академии, кандидат исторических наук. Бишкек, Кыргызстан.

fukalov1988@mail.ru

Хаджиева Танзиля Мусаевна

ведущий научный специалист отдела фольклора Института мировой литературы им.А.М.Горького РАН, кандидат филологических наук. Москва, Россия.

tanzila@mail.ru

Харитонов Александр Михайлович

научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН. Владивосток, Россия.

mavr@tig.dvo.ru

Цеденова Светлана Николаевна

доцент кафедры калмыцкой литературы и журналистики Калмыцкого государственного университета им. Б.Б.Городовикова, кандидат филологических наук, доцент. Элиста, Россия.

gerelma_777@mail.ru

Церенов Василий Зулкаевич

писатель. Элиста, Россия.

sprprav@mail.ru

Шевельчинская Светлана Львовна

фотограф Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

shevelchinskaya@mail.ru

Юрченко Александр Григорьевич

Независимый исследователь. Санкт-Петербург, Россия.

safir88@gmail.com

Юсупова Татьяна Ивановна

ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, доктор исторических наук. Санкт-Петербург, Россия.

ti-yusupova@mail.ru

Яхонтова Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела Центральной Азии и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

nyakhontova@mail.ru

Mehdiyeva Ayten Ali kızı

Doçent, Azerbaycan Devlet Pedagoji Üniversitesi, Tarih bililm dalında Felsefe Doktoru. Baku, Azerbaijan.

ayten-69@mail.ru

Mehdiyeva Nisbet Canmammad kızı

Profesör, Tarih doktoru, Bakü Devlet Üniversitesi. Baku, Azerbaijan.
nisbetmehdiyeva@mail.ru

Ölmez Mehmet

Profesör, Tarih doktoru, Yıldız Teknik Üniversitesi. Istanbul, Turkey.
olmez.mehmet@gmail.com

Raschmann Simone-Christiane

Senior researcher, Dr., Göttingen Academy of Sciences. Berlin, Germany.
raschmann@bbaw.de

Togan Isenbike

Professor, Dr., Department of History Boğaziçi University. Istanbul, Turkey.
istogan@gmail.com

Vér Márton

PhD, post-doctoral researcher at the Berlin Brandenburg Academy of Sciences and Humanities, Turfanforschung. Berlin, Germany.
vermarton@gmail.com, ver@bbaw.de

Yılmaz Killi Gülsüm

Assoc. Prof., Dr., Department of Modern Turkish Dialects and Literatures, Faculty of Languages History and Geography, Ankara University. Ankara, Turkey.
gulsumkilli@gmail.com